

Ирина Фургал

Благоприятный момент

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть V

Ирина Фургал

**Благоприятный момент.
Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ
СОЛНЦА. Часть V**

«Издательские решения»

Фургал И.

Благоприятный момент. Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть
V / И. Фургал — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502456-5

Мы успели вернуться в родной город и предотвратить ожидаемые несчастья, пусть и не все. Мой друг Петрик Тихо считает, что сейчас благоприятный момент для того, чтобы поведать мне, и даже всему миру, чужие тайны, которые он хранил от меня. Всё в заботе обо мне же и о будущем наших семей. А ведь дружба со мной, волшебником Миче Аги, едва не стоила ему жизни. Я же опасаюсь быть запертым в сумасшедшем доме за все наши подвиги. Спокойная жизнь, исполнение надежд, возвращение солнца — где вы?

ISBN 978-5-00-502456-5

© Фургал И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. НЕ ВЕЛЕНО!	6
ГЛАВА 2. ЧУЖИЕ ЗАСЛУГИ	12
ГЛАВА 3. ВСТРЕЧИ В ПУТИ	19
ГЛАВА 4. ОДОБРЕННАЯ СТРАТЕГИЯ	30
ГЛАВА 5. В ДОМЕ У ЛАЛЫ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Благоприятный момент

Роман ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА. Часть V

Ирина Фургал

Роман
ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА

ЧАСТЬ V. БЛАГОПРИЯТНЫЙ МОМЕНТ
(Возвращение солнца)

© Ирина Фургал, 2019

ISBN 978-5-0050-2456-5 (т. 5)

ISBN 978-5-4496-8120-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. НЕ ВЕЛЕНО!

Оглядевшись, мы с Петриком в первое же утро поняли, что нам с ним сбежать из тюрьмы крепости Ануки совершенно невозможно.

Виной тому, конечно, проклятые наручники из лиура, металла, лишаящего возможности колдовать. Мы стали обычными людьми, а за нами повсюду **ОЧЕНЬ ВЕЖЛИВО** таскался конвой. Большой, надёжный, бескомпромиссный. Нас охраняли не как заключённых, а скорее, как почётных гостей, проявляя всяческое уважение.

Вежливо, но бескомпромиссно нас прогуляли по крепости, беседуя об истории, демонстрируя белые стены, древние и современные постройки, памятные таблички, колодцы, водопровод, оружие, даже съестные припасы. Дисциплина должна быть, даже если страна не собирается воевать. Мы в наилучших отношениях со всеми сопредельными и многими дальними странами – и это заслуга нынешних государей, таких вот замечательных политиков и дипломатов. Хотелось бы сказать: и просто очень хороших людей – но я помнил письмо, то, что хранилось у Петрика под подушкой.

В сердце поселилась обида за моего друга. Такая сильная, такая горькая! Она ничего общего не имела с чисто гражданским уважением и восхищением моим королём и моей королевой и их достижениями. Обида была очень человеческой, не имеющей отношения к моему патриотизму и прочим подобным чувствам. Я знал этих людей. Я говорил с ними. Я видел, как они волновались за судьбу маленькой Лалы Паг. Я помню, что они арестовали старого убийцу Корка за то, что тот едва не лишил жизни собственного сына. Сына врага, между прочим. Они приняли участие в судьбе другого сына того же врага и Терезки Ош. Они расспрашивали меня о Рики. Они беспокоились о моей семье, как обычные люди. Они дружили в юности с моими мамой и папой. Они горевали о том, что теперь их дороги разошлись. Они пытались защитить нас, юных и опрометчивых, попавших в беду, отправили путешествовать по рекам и даже купили за свой счёт дорогое, прекрасное судно. Они уважали историю, даже историю анчу – и назвали наше бегство полезной экспедицией. Они увлекались тем же, чем мы, обычные горожане, жители Серёдки и Повыше. И королева назвала меня «сынок». Как соседка с моей улицы. И уговорила маму и папу отпустить со мной Рики. И – представьте только! – эти люди намекали на то, что берутся устроить свадьбу Петрика и Мадинки, хоть она, как было сказано, Корк, а он, стало быть, Тихо. И ещё. Я абсолютно уверен, что Расскажи мы королю с королевой историю Аарна и Инары – они примут её близко к сердцу и попытаются помочь.

Зная и помня всё это, я думал, что имею право сердиться и обижаться на этих людей. Негодовать и возмущаться. И понимал при этом: они умеют признавать свои ошибки.

Это понимание вселяло надежду: только поговорить – и всё разрешится. Всё наладится. Если бы представился случай, я бежал бы один – просить за Петрика. Я бы всё объяснил. Я добился бы, чтобы они помирились.

Что касается родителей Петрика, моего дорогого друга – я негодовал всей силой своей души. Так обращаться с собственным сыном! Такова благодарность ему за его любовь, за его беспокойство за то, что он преодолел такие дали зимой, такой трудный путь. За то, что он, не щадя себя, спасал людей нескольких государств от ненасытной алчности Корков, за то, что сначала разоблачил опасного преступника, а потом покончил с ним, выручая товарища.

– Они заботятся обо мне. Они стараются защитить, – с мягким упрёком возразил мне Петрик, когда я высказал ему всё это. – Будь у меня сын, который так вот встречается в неприятности, будь у меня такие же возможности, я, наверное, действовал бы также. Не могу, конечно утверждать... Представь на их месте себя, а на моём месте – Рики.

По самому больному! Спасибо, Чудилушка. Тут даже обсуждать нечего. Я поступил бы также. Наверное.

Нет!

С Рики так поступать нельзя.

– Миче, они любят меня. И давай больше об этом не говорить.

Была ещё тема, которую Петрик отказывался поддерживать: как ему удалось отразить заклинание, произнесённое Воки. Да, имя этой вражины послужило оружием, но что послужило щитом? Ни в коем случае не владение Петриком заклятиями Великой Запретной Магии. Он, как и я, её просто не знает.

Я строил разные предположения, всё молча.

Имя волшебника?

Разве что Петрика зовут не Петрик. Но тогда меня, значит, не Миче. Моё имя было тоже произнесено подлецом Воки.

– Чудик, скажи... – начинал я, чувствуя, что мои мозги, битком набитые догадками, вот-вот взорвутся. Но он только головой качал, понимая, о чём мне спросить хочется.

Я отстал, потому что подозревал, и, как оказалось, не без оснований, что это связано с той чужой тайной, которую Петрик хранил от меня так тщательно, и которой так хотел со мной поделиться. Эта тайна! Думая о ней, я испытывал чувство вины, потому что в момент, когда нас заперли в камере, Чудилка ждал от меня чего-то, до чего я не смог додуматься, и чувство стыда – сам не знаю почему. Не знаю, почему, но ощущение было отвратительно гадким: словно я подглядывал в замочную скважину и наблюдал сцену, которую посторонним видеть не положено, и которую, к тому же, теперь вспомнить не мог. От прикосновения к чужим тайнам не жди душевного равновесия.

Быт наш в тюрьме был вполне устроенным, всё необходимое имелось. Но мы не общались ни с кем, кроме как друг с другом и с приставленными к нам людьми. Мы могли, по желанию, прогуляться по территории в их сопровождении, но лично я быстро охладел к этому занятию. Какой толк пялиться с высоты на волю, будучи несвободными? Но мы всё равно таскались по двору туда и сюда, поскольку движение – жизнь, и человек создан для движения, а не для того, чтобы отсиживать известное место. Наш конвой не имел права обсуждать с нами новости, даже сплетни. Не имел права передавать нам газеты и письма. Передавать от нас записки. Следовал этому неукоснительно. Насколько я понял, только прогноз погоды на завтра не считался вредной для нас новостью. Мы с Петриком вскоре знали наизусть семейные дела приставленных к нам людей. А больше с ними не о чем было поговорить в свете соответствующих мер. Возможно, в другое время и с другими своими знакомыми наши конвоиры замечательные собеседники. Сейчас же казалось, что им тошно от самих себя, без конца обсуждающих урожай на родном огороде в том году, в позапрошлом и поза-позапрошлом. Иногда удавалось поболтать с воеводой, он же – глава Ануки. Вот это был человек просвещённый, и мы отводили душу в пространных рассуждениях на философские темы. Он жалел, что не имеет права познакомить нас со своими, не менее просвещёнными друзьями и принять у себя дома, как почётных гостей. Подружились мы и с судьёй, и тот неожиданно принял нашу сторону во всём. Но только как частное лицо. Предписания свыше он выполнял неукоснительно. Вообще, его коллеги оказались людьми приятными. Жаль, мы видели их крайне редко и только по делу. По делу Саи и её злобного Трока.

– Вот видишь, Анчутка, – говорил запертый в камере Петрик. – Грубая сила. Всё мы преодолели с тобой из предсказанного. Расстояния. Болезнь. И прочее. А против грубой силы ничего не сделаешь, так-то. Так близко от Някки! Даже смешно.

Он сначала держался как обычно, строил планы побега. Но когда стало ясно, что из крепости не удрать, на него напала апатия. Внешне это проявлялось необычной молчаливостью. Он не позволял ни мне, ни себе пропускать прогулку, был подтянутым и опрятным. Но философские разговоры с навещающим нас воеводой приходилось вести мне. Советовать служакам из конвоя, как справиться с разбушевавшейся тещей или как вести себя с начавшим

качать права сыном-подростком опять же доводилось мне одному. Если к Петрику обращались с вопросом, он отвечал вежливо, разумно и исчерпывающе. Если при нём был рассказан анекдот, он усмехался. Поэтому никто не понимал, что с ним происходит что-то не то. Если нам приносили книги, Петрик их не читал. Соглашался со мной, какую бы ерунду я ни нёс. Сильный и деятельный Петрик был сломлен бездействием, неизвестностью и тревогой. Но старался держаться, и на людях не показывать вида.

Между тем, на свободе уже вовсю хозяйничала весна.

По ночам мы слышали с нашей кручи рёв переполненной водой, не судоходной сейчас Някки. Мы могли открывать зарешеченное снаружи оконце, очень маленькое, через которое не вылезти, и вдыхать тёплый воздух, полный ароматов земли, травы и самых первых, крохотных, нежных цветов. Мы слышали, как летят на север перелётные птицы, оглашая небо ликующим кличем. Петрик отходил от окна и валился на подушку.

– Что в Някке, в столице? – иногда спрашивал он.

– Не велено говорить, – отвечал кто-нибудь из охраны.

Мы были отрезаны от всего и от всех. Даже погадать я не мог: мои гадательные принадлежности изъяли. Сидя на одном месте, я очень тосковал по своей основной работе, по ювелирному делу. Даже заикнулся, было, о том, не позволят ли нам обзавестись необходимым, и за творчеством коротать дни. Чай, маленькое окошко, с которого охрана не сводит глаз, не расширить напильником. Нам ответили, как всегда: «Не велено!» Петрик посмотрел удивлённо, а потом всё смеялся над тем, что я выступил с такой просьбой. Окошко не расширить, а вот браслеты из лиура запросто можно снять. Я почему-то не подумал об этом.

Ладно, пусть бы нам принесли кисточки, бумагу и краски. Просто карандаш. Опять нет? На том, чтобы дать Петрику возможность строчить статьи об охране природы при помощи стального пера и чернил, тоже бесполезно было настаивать.

– Петрик, как думаешь, что поделявают на севере наши сейчас? Нага... Мадинка... Скучают ведь. Писем не получают. Переживают.

Бывает, что надо придержать язык и не вводить товарища в ещё большую печаль.

*

Ни король с королевой, ни родители Петрика, ни мои мама и папа не написали нам ни полстрочки. Но... Мои родители приехали ко мне. И им, представьте, разрешили свидание.

Это была тяжёлая встреча. Мама плакала и целовала наши изуродованные ладони: она была наслышана об истории с солнцами, знала, что мы болели.

Как мы могли, говорила она, паникуя, как все женщины, бросить на севере, в снегах, в каких-то холмах, нашего Рики, наше главное сокровище? Нашу Чикикуку, нашу Нату, нашего Малька, наших всех? Что с ними? Как пережили зиму? Поди, на северных реках ещё лёд? Как мы могли так рисковать собственными жизнями?

– Мама, – сказал я, косясь на безмолвного Петрика, – я думаю, что на северных реках ледоход как раз заканчивается. И только не говори, что вы не получали писем от наших всех. Я знаю, что получали. Даже мы получали, хоть двигались с хорошей скоростью. Наши все с горок катались, посещали на санях разные глухие места, сидели у печки и знай себе, записывали сказки и осматривали достопримечательности. Рики и Лала в школу ходят, как же без этого? Они в восторге от приключения и Хротовых находок. Лала хочет историком или археологом быть. Деньги имеются. Наши все вели выгодную торговлю в тех местах, которые посещали. Воки отбросил тапки, и больше никому не страшен. Своим бегством с «Комарика» мы отвлекли убийцу, вынудили гоняться за нами. Корки большую погоню так и не выслали, видать, надеялись, что Ловкач справится сам. Нашим всем не угрожало ничего, страшнее, чем простуда. А от неё на «Комарике» есть Чикикука. Вот уж кому действительно ничто не угрожает,

кроме большой любви! Думаю, с концом распутицы и половодья вы получите ещё весточку. А со здоровьем у нас теперь полный порядок. Очень хорошо отдохнули здесь, ничего не делая.

При этом я за спиной пробовал, как шевелятся пальцы правой руки. Средний и мизинец по-прежнему не шевелились никак. И очки я носил теперь не снимая – чуть ли не самые сильные из возможных. Петрику повезло больше, его зрение быстро восстанавливалось, и теперь он видел почти также, как до истории с солнцами. Он был уверен, что ещё немного, и его руки полностью вернут гибкость и силу. Чтобы ускорить процесс, он делал упражнения, и результат улучшался день ото дня.

Мама всплеснула ладошками, не зная, за что ещё зацепиться. Папа сперва был сердит, разглядывал нас, кусая губы: мы, всё-таки немного изменились, и ему было нас жаль. Но потом рассказал, как люди из окрестностей устремились в Някку к врачам и аптекарям – толпы наполнили столицу. А мы с Петриком полагали, что ядовитые светильники не продают на наших юго-западных рубежах, так близко от королевского дворца. Уму непостижимо, скольким людям всучили отраву! Видно, кое-кто совсем осторожности лишился от алчности. В столице, конечно, торговать опасались. Но люди ринулись именно в Някку, полагая, что там им лучше помогут. Солнца сдавали на специально устроенных пунктах, где они со всеми предосторожностями уничтожались. Сам государь провёл расследование...

– Их арестовали? Допросили? – воскликнул Чудилка так, что мама подскочила.

– Кого, дорогой?

– Корков!

– Да что ты, Петрик! Ещё никому ничего не ясно, не найдено, где делают солнца, доказательств против Корков никаких. Или правительство всё держит в тайне. Но хорошо то, что покупать эту дрянь никто не будет уже.

– Видишь, Чудилушка, хоть это не напрасно, – сказал я своему другу, сидевшему рядом с моей мамой. Тот только вздохнул:

– Ты видел сам, Анчутка, какое это славное оружие против всякого волшебства. Против всяких там Миче. К тому же это просто яд. А ну как его бросят в королевский колодец? Сунут в водопровод? В подвал Лечебницы? На чердак «Прибежища» или университета? В трюм «Великой Някки»? Просто в реку? В море, где водится рыба? Поставят на возвышенности, замаскировав под памятник? Помнишь здорового барана в Аес? Никто и не поймёт, что это источник волшебного света, а потом уж и понимать будет некому.

Ну и фантазия у него, светлая Эя! Я поплевал через левое плечо. Мама и папа онемели и смотрели дико: Петрик был прав.

– Вы скажите об этом его родителям, пусть передадут королю. Пусть полиция порыщет по всяким таким местам, – взмолился я. – Попросите, чтобы позволили нам заняться хотя бы живописью – ведь это не магия. Разве можно столько бездельничать? Найдите этих нехороших людей – пусть они хоть напишут Чудилке. Пусть похвалят за то, что он сделал. – Обойдусь, – буркнул Петрик, пряча глаза.

– Папа, – сказал я, – если нас хотят посадить в тюрьму, как преступников, должен быть суд, должны определить срок. Должны сказать, в чём наша вина. Сколько нам быть здесь, папа?

– Не велено, – пробормотал отец кодовую фразу.

– Если же нас хотят защитить – почему бы нам не трудиться над обычными женскими украшениями, почему бы нам не рисовать, чтобы не сойти тут с ума? Почему бы не выслушать нас? Почему бы не сказать нам, сколько намерены нас защищать?

– Не велено! – заломил руки папа.

– Если нас проучить хотят за самоуправство, то почему бы не спросить, что мы знаем полезного для государства обо всей этой истории? Почему бы не взвесить, насколько полезно то, что мы сделали – и, опять же, назвать сроки? Я настаиваю на суде, папа!

– Не велено.

– Или королю просто важно переупрямить нас, не смотря ни на что, ни на какие факты?

– Что ты говоришь, сынок! – заплакала мама. А папа повторил:

– Не велено. Если у вас есть ещё какие-нибудь сведения или просьбы, передайте их через нас. ТАМ решат и взвесят.

– Нельзя так обращаться с героями, – строго сказал я, показав на Петрика.

– Переживу, – доложил тот. – Просто, Миче, расскажи о том, кто такой Воки. Чей он сын, и с какого боку в этой истории. Всё сразу станет ясно. ТАМ.

Ладно, я рассказал под испуганное оханье мамы. И то хорошо, что взвесить пообещали. Раньше мы помалкивали, выполняя обещание, данное Кохи, но теперь, перед лицом серьёзной опасности, молчать было нельзя. Может, Корки перестанут рваться к трону, если всем станет известно, чей сын анчу Воки Ловкач. Однако, сами мы не рисковали обнародовать то, что нам известно: пусть решают государи.

Ничего больше мы не вытянули из мамы и папы о том, что происходит в Някке, и не случилось ли чего, что заставило бы заподозрить, что Петриковы родители прямо сейчас подвергаются опасности. Зато они сообщили нам кучу сведений о наших знакомых. Например, что папаша-изверг Ош свалился по пьяни с крутого берега и насмерть расшибся о скалы. Наш друг Шу-Шу помирился с отцом, доктором Шу, если это можно назвать примирением. Старый доктор и впрямь, оказывается, повредился рассудком, и впрямь за ним наблюдают врачи, и больше он в Лечебнице не работает. Из памяти Шу выпала история с Натой и её якобы сумасшедшим женихом. Он думает, что Миче маленький ещё, и при встрече спрашивает, как у меня дела в школе. Жаль его, конечно. Только у мамы и папы до сих пор неприятный осадок в душе, и они сторонятся Шу. Отец Малька выкупил тот симпатичный магазинчик. Семейство Мале расширяет дело, сожалея, что у них один только сын, и тот на таможне тратит своё время. Картины Лёки, которые он выставил перед отъездом, разлетелись вмиг. А ту, где запечатлён вид из сада на гавань и военные корабли, в том числе, на «Лилию», впоследствии перекрашенную под «Чёрный Мститель», приобрёл музей. Большое достижение, но дядя Тума рвал и метал и даже сломал четыре кисточки и одну расчёску. И раздавил на паркете баночку краски.

– Жуткий тип, – в священном ужасе прошептала мама.

Натины сёстры ждут по второму ребёнку, ну не прелесть ли?

– Погадал бы, Миче, кто родится. У кого мальчик, у кого девочка?

– Как я погадаю? Чем?

– Ах, да...

Корки? Да ну их. Вечно что-то баламутят.

Мы с Петриком так и не узнали, что конкретно баламутят Корки.

Зато стало очень понятно, что родители Наты и родители Малька рвались к нам, но им не дали разрешения. А вот Петриковы, видимо, не рвались. Мои мама и папа привезли нам разные полезные вещи: хозяйственные мелочи, одежду, любимые нами лакомства, фрукты. От своих Петрик не дождался даже приветов.

Мама и папа ушли, сказав на прощание, что любят нас обоих, чтобы мы не обижались, чтобы Петрик не обижался – его просто уберечь хотят.

Ну да, ну да. Привет и кусок домашнего пирога подвергнут непослушного сына страшной опасности.

После этого визита Петрик прямо заболел и лежал целые сутки, и моё сердце разрывалось от жалости. Я всё думал о красивом речном просторе, и свежем ветре, и перелётных стаях. Я думал о «Комарике» – и он мне мерещился под парусом, белым как последний уплывающий лёд. Он плыл, он летел навстречу птицам – лебедям, ныркам и журавлям, летел ко мне. А там, завидев меня, смеялся Рики, и Ната стояла у руля. Ветер играл её волосами и жёлтыми лентами... Надо думать о хорошем, чтобы не свихнуться от безделья, тоски и тревоги. И я думал, пока не вспомнил, что есть такая вещь, как Зов Крови. Нечто более сильное, чем каменные

стены и запоры, чем браслеты из чего бы то ни было, сильнее, чем расстояния и собственные запреты.

Рики Аги может почувствовать, как мне горько, как я соскучился. Почувствует непременно, поднимет тревогу, взбаламутит всех, бросится сам на помощь через всё то расстояние, что мы прошли без него.

Я вспомнил – и перестал думать о хорошем, и ощутил непреодолимое желание тоже лечь и отвернуться к стене от несправедливости мира. И от всякой надежды.

Да, я бы отвернулся от всего хорошего и, после всего того, что пережил за эти дни, стал бы другим человеком. Стал бы жёстким, циничным, недоверчивым и грубоватым. И моя Ната разлюбила бы меня. Сейчас я понимаю и представляю, я вижу себя таким, каким мог бы стать, но не стал. Может, потому, что Петрик вдруг попросил:

– Миче, спой. Спой о том, что когда-нибудь это кончится, и всё будет по-прежнему.

А у меня отобрали читру, представляете! Почему – это выше моего понимания. Но я запел для Петрика песню о нём, о нашем пути и о том, что он когда-нибудь приведёт нас домой. Пел – и не верил.

– Опять на закате, сквозь блеск и красу облаков,
Палящих, плывущих над морем под первой звездой,
Летит на сады и леса светопад лепестков
Отцветшего солнца, померкшего вместе с зарёю.

И столько мы видели этих красивых картин:
Вечернее солнце лучи растеряло от ветра!
Недолгую жизнь их полночи лелеет камин,
Костёр у дороги, и печь, и свеча у портрета.

А ты, приманивший для света один лепесток
Из солнечной жизни и тайны, Вселенной кусочек,
Давай же мне спой, как распустится новый цветок
Из тёмных глубин непроглядной, пугающей ночи.

Костёр у дороги, но где окончанье пути,
Настольная лампа, объятий тепло, жар ладоней?
Один лепесток – он не вечен, но ты не грусти:
Он в памяти сердца, и ярче при мыслях о доме.

ГЛАВА 2. ЧУЖИЕ ЗАСЛУГИ

О хорошем? Ладно.

Было кое-что. Да, было.

Сая развелась с омерзительным Троком.

Он и его мамаша, она же свекровь, прочно сели в тюрьму за издевательства над Саей и прочие свои преступления. Дядюшка заплатил за недопустимое отношение к племяннице такой штраф, что ого-го! Кажется, ему пришлось переехать в жильё, чуть лучшее, чем сортир на огороде. Ещё долго будут говорить об этом по ту и эту сторону Айкри: пусть другим неповадно будет. А Сая стала теперь обладательницей хорошего приданого. Разбирательство тянулось долго, уже после того, как Сая стала свободной. Вызывали, как я уже говорил, и нас с Чудилой.

Перед знаменательным событием, возродившим в нас надежду на побег, мне приснился сон.

В оконце вливались свет Навины и прохладный ветер середины весны, тихий говор охраны и далёкий рёв Някки. Я глядел в тёмный квадратик воли, и заснул незаметно. И видел всё в том же тёмном квадрате распутившуюся ромашку, любимый цветок моей покровительницы Эи, разумнейшей из сестёр. Серединка ромашки была оранжевой и светилась в небе звездой. На миг заслонив собой эту звезду с лучами-лепестками, в окошко прыгнул чёрный, молодой, здоровенный волчище.

– Привет, знакомец! – обрадовался я, ничуть не испугавшись. Во сне мне показалось, что это тот самый волк, которого я спас от расправы на пляже у реки. Я был рад, что он уже не хромает, а хвост держит высоко и победоносно. Выглядел зверь не страшнее домашнего пса, и я протянул руку – захотелось его погладить. Но он отшатнулся от меня, сел на пол и взглянул укоризненно. Тогда я заметил, что он принёс мне письмо. Простой желтоватый конверт волк держал в зубах и показывал, чтобы я его взял. На конверте вместо адреса было написано имя Петрика Тихо.

Я, было, протянул руку, но вдруг почувствовал, что то, что заключено внутри, имеет силу убийственную и страшную, схожую с той, что заключена в безобидных фигурках светящихся зверушек. Я сказал себе, что не могу позволить Петрику держать такое в руках. Я вскрыл конверт сам – и крик вырвался у меня. Все страхи, весь ужас, который только может испытывать человек, отчаяние от осознания невосполнимости утраты – то самое, что я испытывал, думая, что навсегда потерял Рики – всё это жило под тонким слоем бумаги, а теперь набросилось на меня, на моё сердце. Картины чего-то невозможного, чего я не хотел видеть, какие-то руины, чёрный дым в ясном небе, крики и мольбы о помощи, разбитые окна, топот копыт и ног по мостовым... моей Някки. Чёрно-красное море под безмятежностью синевы. Блеск клинка, который страшнее всего. Голос Петрика, ворвавшийся в этот кошмар:

– Миче! Миче, чего орёшь? Ночью даже! Что за привычка орать?

– Орёшь? Что орёшь? – спросил я чёрный силуэт, нависший надо мной. И сам поразился тому, как слаб мой голос, и как он дрожит.

– Не я ору, а ты, – укорил меня мой друг, хвала светлой Эе, вне сна. – «Мама! Папа! Бегите, бегите!» – вот что ты кричал, Анчутка. И ещё меня звал. Миче, что это значит? Что-то случилось? Там, в Някке?

Спросонья я не мог сообразить, как объяснить ему приснившийся кошмар. Живописать подобные ужасы?

– Случилось ли, спрашиваешь ты? Я не знаю. Но вот-вот мы получим известие.

– О чём, Миче? Скажи мне, как предсказатель: хорошее или плохое известие?

– Не могу знать, Петрик. Если хорошее, я бы так, наверное, не орал. Приснилось мне чёрт знает что! Думал, покончено с моим страхом. С тем, что мучил меня всю жизнь. Страх за Рики. Но снова здравствуйте. Бой... Пожары... Резня... Изначально, в детстве, я боялся именно этого. Ты ведь помнишь?

– Предчувствие?

– Наверное, да. Наверное, как предсказатель, я боялся стать свидетелем резни. Я был запуган взрослыми ещё в раннем детстве. Но загнал эту боязнь далеко. Глубоко-глубоко. Мне было велено об этом не думать. Я думал только о Рики, потому что он маленький, и очень дорог мне всегда был. То есть боялся опасности для него. Когда он родился, у меня всё перепуталось. Потом – факелы саду, и сгорел мой дом. Мне показалось, что всё, что то, чего я боялся, в прошлом. Ан нет.

– Тебе приснился сон о том, что должно случиться? Или что мы получим известие о том, что случилось? Или что ты станешь свидетелем того, что случится? Где?

– Я ли? На конверте, Петрик, было написано твоё имя. Приснилось, что конверт мне принёс знакомый волк.

– Я стану свидетелем?

– Чему ты удивляешься? Почему мы провели зиму в дороге и попали в тюрьму? Сам сказал осенью, что надо вернуться в Някку, всех всполошил, толковал о катаклизме и перевороте, вызванном будущими реформами – и я сразу понял, что пойду с тобой, и ты прав. Помнишь?

– Такое не забывается, Миче.

– Так что, тебе ничего не мерещилось? Не предвиделось? Не снилось? Только умозаключения по прочтении новостей в газетах? Ты сумел меня убедить, что твои выводы правильные, что мы не совершаем ошибки, возвращаясь в столицу, что мы всех спасём и всё предотвратим. Да, мне приснился кошмар, но паниковать мы не будем. Дождёмся известия.

– И станем действовать по обстоятельствам! – подхватил Чудила. – И постараемся предотвратить. Не бойся, Миче. Ты уже не маленький, и знаешь, что всё проходит. Твой страх пройдёт после того, как ты встретишься с ним.

– Утешил! Вспомни, что было, когда я встретился в прошлый раз.

– Но мог ли ты избежать встречи? – философски заметил Петрик. – Зато ты смог избежать потери. Потому что спас от одиночества и тоски Инару Кереичиките, а она потом вернула тебе Рики живым. Всё связано. Наконец-то дело сдвинется с мёртвой точки. Я знаю: мы сможем бежать. Двинуться навстречу своему страху и победить.

Петрик прямо на глазах становился прежним. Деятельным, собранным, обманчиво спокойным, готовым встать во главе и заговорить невозможным царственным тоном, которого не слушаться. Да, он идёт навстречу опасности и страхам, чтобы они были побеждены и не мешали жить. А я всё ещё трепыхался и переживал под впечатлением сна. Права мама, прав дядя Тума Мале: я впрямь чувствительный, как девчонка. И, кажется, задумавшись, произнёс это вслух. Чудилка усмехнулся:

– Ты же поэт. Поэты – они такие. Был бы другим, не писал бы стихов.

Да, однозначно, уже совершенно нормальный Петрик.

– Ты ничего не боишься, кроме летающих глаз в долине Айкри? – спросил я, на что он ожидаемо ответил:

– Глаза уже были, поэтому бояться их больше нет смысла. Я боюсь опоздать в Някку. Не справиться с поставленной задачей. И я... Да, что-то мерещилось. Мне мерещился чёрный дым в ясный день, цветная плитка Воздушной площади Вершинки, замаранная кровью, разбитые окна большого дома, крики и топот. Мраморный пол. Блеск клинка... Хорошо, Миче, что ты вечно носишься с деревянным.

– Хорошо, что ты волшебник, и помнишь о защите. Ведь помнишь, Петрик?

– Конечно.

Ложиться и досматривать сны уже не имело смысла: настало утро. А прямо перед завтраком к нам пожаловал неожиданный гость. Аарн собственной персоной. Его никогда не пускали. Он не настаивал на том, что наш друг, придерживался версии, что мы попутчики, и не напрашивался в гости. А тут пришёл в сопровождении начальника тюрьмы, и оба сияли, как тазики для варенья.

Аарн сиял больше. Значительно сильнее. Он просто лучился. Он сказал, что суд окончен, он благодарил нас за содействие Сае и ему, и за то, что мы выступили, как свидетели, спросил, мы что, не рады, раз сидим с такими скучными физиономиями? Я старательно растянул губы от уха до уха. Петрик тоже. Мы оба понимали: вот он знак. Наш товарищ принесёт нам известие. Надо быть начеку. Аарн рассмеялся, глядя на нас. Начальник тюрьмы хмыкнул и лихо подкрутил ус. Неуместное веселье.

И тут Аарн огорошил нас сообщением: у них с Саей сегодня вечером свадьба, и нас просят ещё раз побыть свидетелями.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ!

Мы с Петриком переглянулись, озадаченно сдвинув брови. А потом подняли глаза на этого типа, который клялся, что не женится никогда, что не женится на Сае, который рассуждал о жертвах и о свободе.

Чудилка осторожно пихнул меня в бок локтем: это что-то неспроста. Я тоже пихнул его: мол, не теряй бдительности.

– Сегодня, – говорил, страшно довольный начальник тюрьмы, – будьте вечером при параде. Пойдёте на свадьбу: как без вас? Но будете, конечно, под наблюдением. Помните предписания. Не пытайтесь бежать или получить какие-то сведения. Будете сидеть среди доверенных людей, также получивших предписания. Сможете потанцевать, но опять же, под наблюдением. Не надейтесь, что наши люди напьются и разболтаются – они при исполнении. Поскольку свадьба будет тут, в крепости, кругом охрана. Но я рад, ребята, что есть для вас такой чудный случай встряхнуться.

Мы разулыбались. Не стоит думать, что свадьба в крепости – это только ради нашей лучшей охраны. Нет, просто Сая и Аарн покорили сердца местных чиновников и охранителей правопорядка. Город предоставлял им место для гулянки, помня о том, что молодым хотелось бы видеть на свадьбе Миче и Петрика. Вот так.

Высказавшись, эти двое собрались уходить. И начальник тюрьмы уже поворачивался, чтобы пропустить мимо себя Аарна, когда в коридоре, за открытой дверью кто-то что-то пропел женским голосом.

– Что за чёрт? – начальник резво подскочил к проёму и выглянул в коридор.

Хоп! Рядом со мной на кровать шлёпнулась сложенная во много раз и стянутая резинкой газета. Я тут же накрыл её одеялом, а Аарн уже тоже выглядывал в коридор.

– О! – сказал он. – Привидение! – Обернулся и подмигнул.

Мимо проёма и остолбеневшего начальника тюрьмы проплыла Унагда собственной персоной. Совсем почти прозрачная, как неровное стекло, с яркими, озорными, почти живыми глазами. Вот уж не думал, что ещё когда-нибудь её увижу.

– У-у-у!!! – сказала Унагда начальнику, проструившись спиралькой вокруг своей оси и тоже подмигнув нам. И поплыла себе дальше.

Аарн был рад, как щенок.

– Уффф! – начальник тюрьмы принялся обмахиваться такой же газетой, выудив её из кармана. – Анчутская королева! Видали? Анчу тут везде жили, слышали? Но она, хоть и из этих мест родом, правила Нтоллой, подземной страной. Время от времени Унагда Агди – так её зовут, проходит то там, то тут, но это не значит, что будет плохо. Это значит, она, как королева, смотрит, выполняются ли предписания, данные начальством, правительством и Покро-

вителями. У нас они выполняются неукоснительно. А значит, бояться не стоит. Нужно тренироваться не бояться. Я научусь! Я уже второй раз её вижу.

– Уффф! – выдохнул я. Нельзя сказать, чтобы я был в восторге от новой встречи с Унагдой. А Петрик – ничего, даже помахал ей рукой.

– Уффф! – сказал Аарн, и, с видом явного облегчения от удачно выполненной миссии, просочился в коридор. Я понял – он в сговоре с местными призраками. Ради него они готовы даже пройти то тут, то там и отвлечь внимание начальства, получившего предписания о тщательном наблюдении.

Едва дверь закрылась, мы с Чудилкой набросились на подкинутую нам газету, как собаки на кость. Единственный клочок информации за долгое время! А ну-ка, посмотрим.

*

Газета увидела свет вчера утром. Я сказал:

– Ага! Надо запомнить эту дату. Петрик, ты, как защитник природы, радоваться обязан. Тем более, что сам всё затеял и подготовил. И! Наш король, конечно, сильно упал в моих глазах, как человек, но я не могу не восхищаться им, как государственным деятелем. Он молодец. Смотри, вот он, наконец, и объявил долгожданные реформы. Как ты и предсказывал, раньше оговоренного с тобой времени.

Весь номер был посвящён охране уникальной природы великой и прекрасной нашей страны и, главное, природы её столицы, прославленного курорта. Ещё – охране здоровья граждан, особенно в свете недавних событий, связанных с искусственно созданными солнцами. Сама история упоминалась вскользь, без имён и подробностей, с обещанием разобраться и осветить в ближайшем будущем. И это правильно. Прежде, чем освещать что-либо, надо провести расследование и знать подробности.

Первая страница непривычно толстой газеты раскрывала перед глазами хорошо подготовленного к реформам народа пагубность технического прогресса в том виде, каков он сейчас. Отмечались его замечательные достижения, назывались в похвальном ключе имена учёных и изобретателей, но и приводились данные о том, как страдают окружающая среда, животные и человек от этих самых достижений. Правительство признавало: технический прогресс не остановить. Но вы, как и я, знаете, что была большая предварительная работа и пропаганда, и общественное мнение было давно подготовлено к радостному восприятию дальнейшего. Статьи, подобные этой, и даже Петриковы статьи, я уже читал, особенно, в ту пору, как мы путешествовали на «Комарике». Одна из них, как вы помните, подвигла нас с Петриком на побег в родные края. И, чтобы рассказать вам покороче, правительство сейчас предлагало ряд мер.

Частично перевести торговый и военный порты из столицы Някки за мыс Читира, чтобы не наносить вреда пляжам и природе в устье реки Някки. Взять под ещё более строгий контроль вырубку и восстановление лесов и использование вод. Труды учёных, предлагающих что бы то ни было, что может нанести вред окружающей среде: воздуху, рекам и морям, плодам, лесам и недрам, поощряться не будут. Зато очень заманчивыми были предложения работать в дальнейшем над двигателями, механизмами, устройствами, что не будут дымить, вонять, засорять воды, разрушать места обитания животных или памятники старины, и от чего отходов меньше. Но при этом будут приносить такую же пользу, как пароходы, паровозы и тому подобные замечательные машины. Особое внимание уделялось охране вод, водоохраных зон и курортов. Отмечалось, что производство не должно наносить здоровью рабочих какой-либо существенный вред. Создавалась комиссия по контролю. Одна, но крайне суровая. Назывались ужасающие меры взыскания. Описывалась выгода от проводимых реформ – представьте себе, именно финансовая. При том, что если даже слегка затормозить технический прогресс, выгоды, обычно, не бывает. Правительство подготовилось лучше некуда, и всё как следует подсчитало. Сообщалось о том, что уже восемь стран поддерживают нашу и готовятся пойти по её

стопам. С горечью предполагалось, что следующее поколение будет называть столицей другой город на побережье. Някка не может принять в себя всех желающих жить в главном городе страны, она должна оставаться, в первую очередь, курортом.

В довершение всего, король с королевой, упоминая о том, что перемены, конечно, не могут произойти молниеносно, объявляли конкурс на изобретение альтернативных средств передвижения и разных других механизмов. Это могут быть новые устройства. Либо, что предпочтительнее, старые, для использования которых уже проложена железная дорога. Только двигатели не должны покрывать копотью окрестные леса.

Здесь рукой Аарна стояла приписка: «А что, Тихо, слабо поучаствовать? Ты бы снова поднял магию на недостижимую высоту! Разве не ради этого всё затеяно? Я бы, например, подал заявку».

Нет, он не решится подать заявку на конкурс, пока считает, что несвободен, подумал я. Обидно. А в отношении Петрика он прав. Чудилка мог бы заколдовать пару двигателей и огрести главный приз.

Где-то в начале всего упоминалось о том, что идею всей суматохи подкинул родителям их юный сын, королевич (безымянный он что ли?), который, выражает таким образом нужды и стремления молодого поколения. Отмечалось, что благодаря его образованности и искусству убеждать и пошли за Няккой те самые восемь стран, и это далеко не предел. Петрик закусил губу.

Здесь я произнёс:

– Молодец он, наш королевич! Присвоил себе твои заслуги?

На что Петрик рассеяно ответил:

– Что? Я не сержусь.

– Как можно не сердиться! Как ты разрешаешь так с собой обращаться?!

– А что я сделать могу? И не всё ли равно? Лишь бы результат был.

– Ты ведь его знаешь, Чудилка. Говорил, что королевич нормальный парень, а он вон что себе позволяет.

– А? Да. Очень хороший парень, – неожиданно хихикнув, подтвердил Петрик. – Успокойся, Миче. Так и было задумано. Я ведь собрался делать карьеру в тайной полиции. А где что-то тайное, там шум не нужен. Зато королевскому сыну нужна эта штука такая... Репутация.

– Дешёвая репутация. И ты уж как-нибудь определись с планами на будущее. То одно говоришь, то другое. Расскажи мне: к сыночку, наверное, государи не относятся так, как к тебе, хоть ты и родственник. Видишь, как расписали.

– Мм... – неопределённо протянул Чудила. И выдал: – Не о том думаешь, Миче. Если газета выпущена вчера, может, сегодня ещё наши родители живы?

Я охнул.

– Чудик, ну газета при чём? О весенних реформах было известно уже осенью.

– Просто теперь начнутся настоящие взыскания, наказания... Штрафы... Я знаю людей из комиссии. Это люди неподкупные, очень ответственные. Реформы позволят хорошо прижать Коркам хвост. Ты уже понял, что они одни из немногих, кому плевать на указы и комиссии. Они имеют производства, и засоряют реки, и плохо относятся к здоровью рабочих, и даже, как я слышал, незаконно вырубает леса, и даже у водоёмов. При этом провалились попытки захватить престол, да ещё накрылась их авантюра с солнцами. Тут их того и гляди выведут на чистую воду. А мерзавец Воки, надежда и опора, сыграл в ящик. Представь, Анчутка, как они озвереют. Реформы объявлены раньше оговоренного со мной срока. Теперь уж точно мы опоздали. Если Корков не заперли на замок и не посадили на цепь, они непременно взбунтуются. Они не станут ждать окончания расследования.

Я похолодел:

– Прямо сейчас взбунтуются?

– Вопрос нескольких дней.

Вот и дожил я до обещанных моим другом беды и катаклизма. И заперт. Не могу предотвратить. Волна возмущения и обиды поднялась в душе.

– Зато тебя, Чудик, хорошо защищают, – насмешливо произнёс я. – Послушай-ка, что скажу. Честно и открыто. Тебя упрятали в эту крепость, чтобы ты не лез куда не следует. Не вмешивался. Зачем ты в Някке? Кто ты такой? Твои заслуги приписаны другому, лоботрясу, сосунку и трусу. Папенькиному сынку! А ты, не дай-то Эя, будешь качать права. Не дай-то Эя, кто проболтается о твоих заслугах! А так – тебя нет, и можно утверждать что хочешь. Ты сделал всю работу за другого, и больше не нужен. Твоим соратникам можно заткнуть рты убеждением, деньгами или угрозами. И знаешь что? Знаешь, что делают с теми, у кого воруют идеи?

– Что? – Петрик заворожено смотрел на меня большими и круглыми глазами.

Ну, я ему и показал что. Приложив руки к горлу и высунув язык. И добавив:

– Втихаря.

– Допрыгались, – сказал Чудилка и рассмеялся. – Нет, Миче, этого можно не опасаться.

– Свидетелей надо прихлопнуть, – возразил я.

– Нет-нет! Мне вреда не причинят, – он едва сдерживал смех. – Вот говорил я им, что когда-нибудь случится большая неразбериха! Королю с королевой! Ты, Миче, пожалуйста, не называй их сына сосунком, ты же не знаком с ним.

– Зато наслышан!

– И уж тем более, не называй лоботрясом и трусом. МНЕ неприятно это.

– О чём ты думаешь? – возмутился я. – Тебе угрожает опасность! Время идёт, люди стареют. Король с королевой тоже. С возрастом они могут свихнуться. Это безумие – запереть тебя здесь и не посадить на цепь Корков. При огромном количестве свидетелей приписывать твои заслуги другому! Никчёмному такому...

– Миче...

– Ничего смешного! Ты просто ещё не знаешь, что родители делают для своих деток. У самых лучших людей начисто отшибает разум, когда речь об отпрысках заходит. Бесполезное существо продвинуть в лидеры! Что может быть желанней? Я теперь понял всё!

– Миче!..

– Кончай хихикать! Всё неспроста! И каковы твои отец и мать! Совершенно не борются за ребёнка! При таком раскладе тебя обвинят в чём угодно и сошлют на каторгу! Не думай, что отвертись от меня – я сошлюсь с тобой! И не удивлюсь, если где-нибудь там, загибаясь в болоте, мы с тобой прочтём, что это наш будущий государь, это нынешнее ничтожество, а не ты, открыл вред возрождённого солнца!

– А не мы, – поправил Чудилка. – Миче, ты что раскипятился? Ты сам не о том думаешь.

– Я о том думаю! Не смей мне указывать, как называть этого... этого... королевича!

– Ладно-ладно, – примирительно проговорил Петрик, – называй как хочешь. Пожалуйста. Хорошо. Но, может, если вы когда-нибудь познакомитесь, ты изменишь своё мнение. Я только прошу тебя уяснить: может, меня и сошлют, но уж точно не прихлопнут. Понятно? Угомонись.

– Нет, не понятно, – мотнул я головой.

– Когда всё снова станет хорошо, я попрошу родителей... ну, королевичевых... объяснить тебе, почему произошла такая путаница с именами и заслугами. Постараюсь быть убедительным. Они, конечно, могут отказаться, но тогда я, наверное, расскажу без спроса. Нет, не наверное. Обязательно.

– Никто не убедит меня, что всё это справедливо.

– Я всё решил, но всё же необходимо предупредить их. После того, как я объясню тебе, всё встанет на свои места. Ты всё поймёшь и перестанешь обзывать.

– Нет, – упрявился я. – Как это можно понять?

– Но ты прекратил за меня бояться?

– Ну... Если ты утверждаешь...

– Никто не свихнулся от возраста, Миче. Никто не придушит меня втихаря, об этом забудь.

– Ладно. Что делать станем? Как бы твои родственнички ни упали в моих глазах, я не хочу, чтобы Корки пришли к власти. Или попробовали прийти.

– Будем бежать, Анчутка. Посмотри, каков Аарн! Едва узнал про реформы – всё сообразил и затеял свадьбу. И подкинул нам газету, как знак. Не сиди. Собираться давай.

К назначенному часу мы с Чудилкой были при параде и держали при себе самое дорогое. Он – ту самую книгу старинных заклинаний, которую у него не отобрали в тюрьме потому, что приняли за сборник советов новобрачным. Я – свою саблю. Её мне оставили потому, что клинок всё-таки деревянный. А ножны – к ним даже прикоснуться боялись, чтобы потом я не обвинил кого-нибудь в поломке или чём похуже. Конфисковать золото и драгоценные камни, полученные сыном известного столичного ювелира за большие заслуги от принца дружественной страны, никто не решился. Оставить саблю в камере не позволил Чудилка. Сказал, если клинок деревянный, глупо к нему относиться с опаской. Зато он уже историческая реликвия, уцелевшая в пожаре, вещь, оставленная на память.

– Ты не имеешь права разбрасываться вещами, о которых будут слагать легенды, – укорил он меня. – Например, легенду о том, как ты вручил мне деревянный клинок в самый драматичный момент сражения с белобрысой нечистой Воки. Деревянную саблю, прошедшую с тобой подземелья Нтоллы, водные пути, снежные бураны. Которой ты проткнул насквозь металлическую обшивку корабля «Чёрный Мститель». Раскрошил каменных великанов, напугал в Аес всех бандитов и на две половины разрубал ядовитые светильники-солнца прямо с одного маха. Говорящие глаза Айкри слетелись из всех её пределов специально для того, чтобы выразить своё мнение об искусных столярных изделиях из балька. Завидев этакий удивительный клинок, призрачная королева Нтоллы, ныне безлюдной, в экстазе вкричала: «Это ОН!» и предсказала, что ты непременно повесишь его на ковёр над кроватью. Откуда он у тебя? Его сама Някка, дочь Эи вручила, призвав тебя куда-нибудь на мелководе. И – ах, да! – ты передал деревянную саблю мне, а я кокнул ею белобрысую нечисть Воки Ловкача. Так рождаются сказания о героях. О нас, между прочим.

Я смеялся:

– А ведь и впрямь началось всё с того, что на пляже, у реки, я пригрозил ею мучителям большого волка снятого в клетке с пиратского судна. Выпустил волка на волю. Он мне сегодня снился.

– И ты вспомнил, как сказал он тебе человеческим голосом: «Отпусти меня, Миче Аги, я тебе пригожусь». Пригодился?

– Во сне он принёс мне известие.

– Хороший волк, честный. Всемогущая деревянная сабля.

– Твоё имя не Телепатель? Никто не станет такое рассказывать. Никому в голову не придёт, что деревяшкой можно проткнуть обшивку военного корабля.

– Победить недоверие, защитить обречённого, освободить невольника, придать уверенности, завоевать дружбу, выручить в беде. Да. Никому в голову не придёт. Моё прозвание Главный Выдумщик Някки. Но ты, Миче Аги, никогда не бросай деревянную саблю. Не имеешь права. Повесь на ковёр над кроватью, как предсказано было.

– Ох, и навывдумывал ты! Не имею права разбрасываться драгоценными камнями, которые нам могут в дороге пригодиться, – сообщил я, запихивая за пазуху кошелек.

– Что ж. Мы готовы к дальнейшим подвигам?

– Да, мы готовы.

Время пришло.

ГЛАВА 3. ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Всё было мило на этой свадьбе. Мила и очаровательна была невеста, тоненькая, как веточка. Милы весенние, душистые цветы, украсившие столы. Ясный вечер, таинственный свет завораживающих сумерек, загадка зажигающихся в темноте огней, заманчивый блеск хрустала. Мила и приятна была атмосфера этого праздника. Все были возвышенно-радостны, добродушны и веселы. Много было шуток и песен, ещё больше – танцев и тостов. Романтика древнего, но не мрачного крепостного двора...

Выдавали замуж женщину, избежавшую злой судьбы, традиционной для многих ещё семей Айкри. Женщину, решившуюся на побег, на борьбу за лучшую жизнь, за настоящую любовь. Волшебницу, не пожелавшую зарыть свой талант в землю ради обычаев старины. Имя Саи станет путеводным огнём для её сестёр в Айкри. В таком духе произносились тосты. И уже даже кто-то сложил песню про то, как Аарн приехал за Саей и увёз её, не побоявшись погони. Про забавный бой у моста Ануки преследователей девушки с поварёшками и мочалками встреченных попутчиков-магов. Кто же сложил эту песню? Неужели я? Нам с Петриком вернули наши инструменты – и время от времени мы, под общее одобрение, сменяли музыкантов.

Мы вели себя хорошо, не выпытывали новости, держались наших наблюдающих. Тихо и примерно ждали сигнала к бегству. Аарн тоже ничем не выдал того, что что-то намечается. Он и Сая танцевали, веселились, болтали и целовались. Всё, как положено молодожёнам. Петрик спорил с воеводой по поводу чего-то в своей книге – вроде, он её специально приволок на праздник, чтобы в чём-то его убедить.

Глава родного поселения Саи танцевал по очереди с её подругами, прибывшими на свадьбу. Её соседи из Айкри давали ей наставления. Доктор, добывший нам с Петриком очки, превзошёл всех соперников в деле произнесения тостов. Особенно тюремного врача, который начал было:

– В свете с-бытий, к-торрррые имеют место быть, а з-з-з-дровье – эт-то главное, но любовь – эт-то всегда... – и, припав головушкой к плечу жены судьи, сладко захрапел.

– Ура!!! – откликнулась толпа и, осушив бокалы и заставив молодых поцеловаться, принялась выделывать ногами коленца.

И тут, когда все уже изрядно выпили, кроме нашего караула, который тоскливо смотрел на вино, Аарн взял нас с Петриком за руки и скомандовал:

– Бежим! – и повёл нас к выходу со двора. Сая держалась рядом. В руках у неё была Петрикова скрипка в футляре и моя читра.

Никто не обратил внимания, даже конвой.

Аарн мудро скрывал в Ануке, что он волшебник, и его дальновидность помогла нам без препятствий покинуть крепость, оказаться за её воротами, ощутить свободу. Наконец-то! Пусть временно, пусть потом нас рассадят по разным камерам и разлучат надолго – сейчас нам было очень хорошо.

«Свобода!» – шепнул нам свежий ветер, и молодые травы, и ветки, которые он пригнул, пролетая в свете ночных светил.

«Свобода!» – взвыла под кручей неудержимая Някка – и Аарн повернул туда.

Мы оглянулись на спящих караульных.

– Никакой магии, – усмехнулась Сая. – Я подмешала им снотворное. Аарн навёл на прочих кое-какие чары. Так что у нас есть несколько часов, пока обнаружат побег. Все будут весело гулять до утра и думать, что мы все где-то здесь.

– Несколько часов?

Сая с гордостью произнесла:

– Да, часов. Аарн очень сильный волшебник.

– Главное, чтобы до столицы не поймали.

– Поймали? – Аарн взглянул укоризненно. – Выше нос, Чудила! На той дороге, которой мы двинем, нас будет невозможно ни догнать, ни поймать.

Он привёл нас к воюющей, грохочущей, ворочающей камни Някке, и, видя, что мы оглядываемся в поисках наших лошадей, сказал загадочно, что мы их заберём потом, как будет время.

– Что? – завопили мы, догадавшись, какое средство передвижения приготовил нам Аарн. – Лодка? Плыть на лодке по Някке сейчас? Ночью? Нет!

У нас, с началом этого кошмара, называемого половодьем, вытаскивают из воды все плавсредства и не подходят близко – мало ли что. Близко к Някке не строят домов, и каждый раз в конце весны проверяют и обновляют мосты. А глупый Аарн и его глупая Сая организовали нам лодку. Слышали вы о таком? До чего может дойти женщина в своей слепой вере мужчине! Ната, подумал я со смятением, она не такая.

– Ты, инопланетянин! – заорал я на новобрачного очень громко, – Я понимаю, ты не в курсе, но видишь ли, в чём дело: Някка не судоходна сейчас и опасна, просто как никогда. К тому же ночь. У нас на руках браслеты, мешающие колдовать!

– Ты, Анчутка, – откликнулся Аарн с той же громкостью, – может быть, ты не в курсе, но, видишь ли, в чём дело: так мы окажемся в Някке быстрее всего. Ночь светлая, как день. И я уже проходил этим путём в этот сезон.

– Да? – ахнули мы с Петриком. – Зачем?

– На спор. Пospорил с Яковом. А он, между прочим, струсил в последний момент.

– Ты ненормальный, – сказали мы, пятась от реки. – И ты, Сая, тоже. Вы затеяли эту свадьбу только для того, чтобы устроить наш побег?

– Да, – серьёзно ответили они. – И поэтому нечего тратить время.

Но мы всё не могли решиться забраться в пляшущую на привязи лодку. Мы с Петриком не сумасшедшие, нет-нет.

И тут вдруг мы увидели ярко освещённое Навиной и Ви судно, и оно несло очень быстро вниз по течению, и судно это было «Комарик»! Опять «Комарик»!! Вечно встречается там, где он быть не должен!

– Не может быть!

– Судно какое-то, – удивилась Сая. – Оторвалось и уплыло?

– Это наше судно! – весело крикнул Аарн. – В лодку, в лодку! Эгей!

И мы уже были в лодке. Канат натянулся – и Аарн обрезал его.

Направляемая рукой Аарна, лодка полетела на середину Някки, пересекая реку наискосок. Мы закричали, чтобы обратить на себя внимание, но рёв воды заглушал голоса. Волны громыхали, били и шатали лодку, рассыпались о её борта брызгами. Мы промокли моментально, все, кроме Петриковой книги, которую он перед тем, как удрать из крепости, бережно завернул и спрятал на груди под одеждой. Петрикова скрипка в надёжном футляре, защищённая заклиниванием, тоже не пострадала.

Нас качало и мотало, но «Комарик» был уже рядом, и мы с облегчением увидели, что на нём есть живые люди. Не отпуская поручней, они махали руками. Наверное, были поражены не меньше нас, заметив в половодье на реке лодку с пассажирами.

– Интересно, – прокричал Аарн, – когда они догадаются бросить верёвки? Люди за бортом терпят бедствие...

– Мы терпим бедствие? – ужаснулся я. А Сая и Чудила не расслышали.

– Что? Что? – добивались они.

«Комарик» налетел сверху. Мне на голову шлёпнулся канат. Верёвочная лестница сшибла Саю на дно.

– Держись!

– Лезь!

– Давай! – надрывались наверху.

Аарн двумя руками поднял Саю и прицепил повыше, словно котёнка на ковёр. Она же цепко держала футляр со скрипкой. Мы с Петриком удерживали лодку, ухватившись за все верёвки, и это было опасно. Аарн нам только мешался, но он пытался пропустить первым кого-то из нас.

– Ходу! – рявкнул на него Чудила, и Аарна унесло наверх. Любого унесёт, если на него рявкнет злой Чудила.

Как нас с Петриком шарахнуло о борт «Комарика»! Я думал, тут из меня и дух вон. Но ничего. Так мы болтались на одном канате, не имея под ногами никакой опоры, потому что лодка взяла и ускользнула. Но Петрик дотянулся до верёвочной лестницы, а мне как раз догадались скинуть вторую, и мы выбрались на палубу, когда наши требовали ответа от Саи и Аарна, вскарабкавшихся быстро, как кошки:

– Вы кто? Вы что? Вы зачем?

Аарн молча указал на нас с Петриком. И кинулся к рулю, когда все кинулись к нам.

*

Удивлению, радости, объятиям, поцелуям и вопросам не было конца. Рёв воды заглушал ответы, судно вздрагивало всем своим телом от ударов волн и крупного мусора, влекомого ими. Было страшно, и нормальный разговор был невозможен. Главное, мы увидели, что все-все наши живы и здоровы. Мой Рики так и приклеился ко мне, и было странно, что он так сильно вытянулся и на мордочку стал взрослее. Я ухватился за него, как за обретённое счастье. Петрик тоже ухватился, но не сразу: на нём зависли Мадина и Лала и сильно тормозили движение. Моё движение было направлено к Нате, которая управляла судном при помощи Хрота – одному человеку, тем более, женщине, не справиться.

– Ната! – кричал я. – Ната, отдай руль Аарну. Иди сюда.

Она мотала головой – ответственная очень, а ногой пыталась отогнать навязчивого незнакомца, рвущегося к управлению её судном.

– Ната, – вопил я громче, – это Аарн! Он может тебя заменить. Даже обязан.

Тут я споткнулся о Рыжика и упал. Мокрая читра, что болталась у меня за плечами, стукнула меня по голове. Я снял её, перевернул и вылил воду прямо на палубу.

– Ната! – рявкнул Чудила. И тут-то она отцепилась от руля и уступила его неизвестному дядьке. Любой уступит, если... Ну да я уже говорил.

Не успел я подняться, как Ната налетела на меня, но ещё раньше налетела Чикикука, и Ната обняла нас обоих. Кораблик трянуло и даже слегка развернуло – это он наехал на нашу лодку, раздавил её и потопил, и на нас грохнулся Петрик со всей кучей народа, повисшей на нём. Наш большой Малёк оказался на самом верху, а я – внизу, и мне было веселей всех. Стоять остались только Сая, Аарн и Хрот у руля, да Терезка, которой падать было никак нельзя, поэтому в кучу она не лезла. Наши три пиратца, завидев на борту Телепателя, попрятались неизвестно куда. На всякий случай.

– Ой, – вякнул я из-под самого низа, – Терезка, я думал, ты уже родила мне племянничка. Как-то это слово, «племянник», само выскочило.

– А племянницу не хочешь? – весело крикнула она.

– Хочу. – Стану я разве отказываться? – Но у тебя будет мальчик.

– Ты теперь богатая наследница, слышишь? Твой папа в ящик сыграл, – нетактично сообщил ей Петрик. Не подумал, что после этих слов мы как раз и могли бы обрести здесь маленького ребёночка. Чудиле не было жалко Оша. Да и кому его может быть жалко?

Ну, Терезка, конечно, порыдала немного, и успокоилась.

В таких условиях мы всё никак не могли объясниться и рассказать, что же с нами произошло.

– Почему дети не спят? – прокричал я.

– Как ты себе представляешь сон в таком кошмаре? Мы все уже не знаю сколько не спим, – надрывался Кохи. – Хорошо, что сменили наших рулевых, а то бы им конец настал.

– Кто это? – голосил Хрот, которого Аарн отогнал от руля. – Что за люди?

– Что это? – вопил Петрик. – Мирон всё ещё с нами?

– Я буду в театре играть, прямо в Някке самой, – ответил знакомый полицейский, ничуть не повышая голоса, но я всё прекрасно расслышал.

– Я буду управляющим в вашем аттракционе на Дведи, – похвастался из глубокой тени рыжий пират.

– Я тоже буду с ним работать, будем помогать восстанавливать бальковые леса, – сказал лохматый, осмелев и подобравшись поближе.

– У них полно планов насчёт этого аттракциона и этого места, – добавил блондин Красавчик, прячась за его спиной.

– Мы заработаем кучу денег, – осчастливил нас Рики.

– Мы чего только не записали! Мы чего только не добыли! Экспедиция удалась! – верещала Лала, с обожанием глядя на Хрота, кумира подрастающего поколения.

– Петрик, не оставляй меня больше! – Мадинка, оторванная от него при падении, пробиралась к Чудилке сквозь чужие ноги и руки.

– Ни за что! – обнадежил он её, на четвереньках обползая кучу-малу.

Мы с Натой молчали, потому что уже очень удачно добрались друг до друга. Видя такое дело, Малёк и Аня тоже не упустили случая, чтобы поцеловаться.

Мы с Петриком поняли, что компания провела незабываемо весёлую зиму, очень продуктивную и интересную. И даже Кохи, отправившийся с нами в путь бледным, худющим, слегка прихрамывающим и не вполне владеющим левой рукой, был теперь румян, упитан и напрочь забыл обо всех недомоганиях, что устроил ему любящий папочка.

Но ближе к концу зимы на наших друзей и любимых напало сильное беспокойство, и делалось оно всё сильнее, несмотря на наши с Петриком бодрые письма. Ребята своими глазами видели копии древних светильников. Сначала их убирали в сараи, а потом, наученные аптекарями и лекарями, получившими телеграммы с инструкциями, разбирали и сжигали содержимое на двух разных кострах. Ритуал сопровождался распитием лекарства и чтением молитвы, пересылаемой даже путём телеграфа: «...с этих пор увеличится достаток в семье тчк и здоровье улучшится тчк». Потрясённые тем, что мы с Петриком открыли убийственные свойства жутких приборов и находимся в эпицентре, ребята начали строчить письма и посылать телеграммы с вопросами: не отразилась ли возня со светильниками на нашем здоровье? На это мы отвечали, едва удерживая ручки или мелочь на почте в больных пальцах: «Да ни капельки. Мы крайне осторожны».

Тем не менее, Рики не верил.

Помнится, я говорил про Зов Крови. Рики обмануть было невозможно. Рики сеял тревогу и раздувал панику. Теперь он похудел, побледнел, ходил сам не свой и порывался удрать от компании прямо по снегу. Вслед за нами. Его ловили, уговаривали подождать до того момента, как вскроются реки, ставили на вид, что вот-вот начнётся распутица, и иначе как по воде, нас не догнать, и то, что пускаясь в такой дальний путь, надо иметь транспорт, большие деньги и запас еды.

К наступлению весны извелись все. Девушки то и дело принимались лить слёзы. Терезка угрожала преждевременными родами от переживаний. Лёка сказал, что зря не составил Рики компанию и не сбежал вслед за нами. Хрот в своём историческом труде то и дело ляпал орфографические ошибки. Даже написал, задумавшись об испытаниях, выпавших на нашу долю,

вместо «битва у реки Есты» «ботва на ровном месте». Кохи же, наоборот, вдохновенно наваял два водевиля, нереально смешных, потому что, как я уже объяснял, так его организм защищается от окружающей мрачности. Рики же, болтаясь по городку, обнаружил оттаявшую памятную табличку на стене одного из домов. Текст на ней гласил: «В этом трактире в таком-то году останавливался на обед Л. Корк, проезжающий через город по делу государственной важности». Л. Корк был как раз героем битвы у реки Есты, но не имя заинтересовало моего мальчика в табличке, а она сама. Рики обрадовалось то, что сделана она была из того самого красноватого минерала, что и вещая полусфера в пещерах анчу. Поскольку у меня крайне мало секретов от моего очень младшего брата, он знал, как и почему происходит гадание. Рики отправился напрямиком к Чикикуке и заявил зверушке без обиняков:

– Я пришёл в час крайней нужды. Ты обещала помочь.

И, поскольку речь шла о гадании не на ребёнка, а на взрослых, Чикикука тут же побежала за маленьким адептом к этой самой табличке. А следом побежала вся наша толпа, включая Терезку – куда ж без неё. Люди, на улицах, наверное, подумали, что это очередная экскурсия Хрота, и не обратили особого внимания.

«Те, кто имеют тревогу на сердце, знайте – она справедлива. Время пускаться в дорогу как можно скорее. Встреча на мокром пути вам обещана ныне. Те, о ком сердце болит, встретятся в праздник, в помощи вашей нуждаясь. Если не трепетать, и не медлить, и милость не ждать от погоды, то, чему должно – свершится».

Вот что сказала Чикикука при помощи серых букв. Вернее, это будущее говорило за неё, и ещё больше усилило тревогу.

Слова о мокром пути можно было трактовать и так и этак. Безумная компания решила, что мало проку в том, чтобы пробираться раскисшими дорогами, где-нибудь завязнуть надолго и ждать, пока установится погода и дороги подсохнут. Терезка ехать верхом не могла, а повозка застрянет обязательно.

– Только реки, – обмирая от ужаса собственного предложения, выразила общую мысль Ната. – Только так мы сможем догнать, а то и перегнать Миче и Петрика. Или, на худой конец, замолвить за них слово в Някке, пока их ещё не этого... Не того.

Чего «того», никто толком не знал. Но весна была ранняя, снег таял быстро, реки обещали скоро вскрыться. Моя бабушка сказала бы, что это молодость разыграла в одном месте у каждого из нашей компании, потому что при тайном голосовании, которое предложил начальник экспедиции, не было ни одной записки, одобряющей иной путь. Чикикука вякала и прыгала, когда их зачитывали вслух – выражала своё положительное мнение.

– Ну и правильно, – сказал Кохи. – Хорошая команда не бросает своё судно. Да, Ната? Я, как старший, предлагаю трогаться.

И вот, не в силах противиться тревоге, наши друзья подготовили и спустили на воду «Комарик», и перекрасили его, уничтожив буквы названия, и начали путь в компании последних льдин. А может, и не последних. Было их довольно много, и они довольно долго сопровождали наше судно, достаточно крепкое, чтобы выдержать их удары. Правда, Рики, как волшебник, старался ударов не допускать. Но он ведь ещё ребёнок, хоть и маг. Ему были нужны отдых и сон. От долгого напряжения он слабел, и пару раз с ним случались обмороки, напугавшие команду. Мужчины дежурили на палубе с шестами в руках – отталкивать от корпуса лёд и коряги, и даже целые деревья. Команда пережидала ледяные заторы, боясь, что судёнышко хрустнет в угловатом подвижном поле, что его перевернёт вставшая вертикально глыба. Работали шестами, понимая, что «Комарик» – игрушка в руках разбушевавшихся по весне рек и всемогущего случая. Спрыгивали на лёд, рискуя жизнями, прокладывали дорогу кораблику, отодвигая с его пути ледяные потемневшие тяжёлые пласты. Удивительные люди.

Тысячу раз Ната жалела, что взялась за эту работу. Тысячу раз Кохи и Хрот ужасались тому, что взяли на себя ответственность за жизни родных и друзей, двух детей и беременной

женщины, согласившись на этот путь. Тысячу раз все обмирали от страха и плакали от облегчения, но никто не упрекнул этих троих, а, наоборот, торопили. Особенно, Рики, который всё вытягивал вперёд руку, словно пытаясь измерить оставшееся расстояние, или дотянуться до нас. Мадинка лишь раз спросила:

– Ты думаешь, им так плохо? Что ты думаешь, Рики?

– Да, – ответил мой мальчик. – Думаю, плохо очень. Особенно, Чудику.

Этого было достаточно, чтобы Ната велела поставить парус – благо льда стало значительно меньше.

И так наша безумная компания пролетела мимо городов, и портов, и пограничных застав, трижды мило помахав пограничникам. Шли то под новым белоснежным парусом, то копя дымом из трубы окрестные леса, и задержать их не было никакой возможности. Никакие плавсредства не были ещё подготовлены к спуску на воду, а «Комарик» почти нигде не останавливался. Разве что в безлюдных местах: команде всё же нужен был отдых. Но, достигнув Влота, они поняли, что до этого всё шло относительно хорошо. Вот это была гонка по разлившейся реке! Здесь парус убрали – не пригодится он до самого моря. Мало того. Ната велела снести мачту, чтобы она не раскачивала судно, помогая воде. И оцените-ка работу наших рулевых!

Перед горами остановились в последний раз. Страшно было представить, что ждёт «Комарик» на одичавшей Някке. Но компания наша ещё более дикая. Кохи выразил общее мнение, сказав, что это вверх по реке сейчас не пробиться, а вниз – почему бы и нет? Плывут же всякие брёвна. Он вообще раскомандовался сверх меры, снимая тяжесть принятия решения с плеч младшего брата, начальника экспедиции. Правда, им же было высказано мнение, не подождать ли до конца половодья, который уже не за горами. В руках он держал при этом красный камень, подобранный на берегу. Кохи кинул его Рики, и едва тот поймал его, как на нём уже появились серые буквы, видимые только мальчику: «Если вы уже здесь – вперёд! Медлить не нужно». И «Комарик» был пущен вниз по реке. И с тех пор команда не спит, почти не ест, и смертельно устала. Если бы не... (назывались имена, причём все по очереди), «Комарик» уже лежал бы на дне, разбитый в щепки. Называлось имя Рики – чаще других! – здорово проявившего себя в этом походе, как волшебник. Даже Лалой не могли нахвалиться. Девчоночка безропотно взяла на себя все хозяйственные заботы, чтобы взрослые не отвлекались по пустякам. А ещё они с Чикикукой так бдительно охраняли добычу экспедиции, что можно было не опасаться за исторические ценности.

Всё время, пока сплавлялись по Някке, приходилось быть начеку, быть готовыми к спасению детей, Терезки и ценных находок, а пристать к берегу они не могли. И, смотри-ка, сбылось предсказание, что мы с Петриком найдёмся в пути, а то это стало уже казаться чем-то за пределом реальности. Эх, где-нибудь пристать бы, да отоспаться! Только поспать – и больше ничего не нужно для счастья.

– Я могу устроить, – крикнул Аарн.

И нас с Петриком спросили снова:

– Да кто это?

– Чёрный Мститель, – небрежно махнул я рукой.

Все примолкли.

– А кому он мстит тут у нас? – поинтересовалась Ната, угрожающе сдвинув брови.

Судя по тому, что вытворял наш рулевой, он мстил всем, и решил при этом самоубиться.

– Не зевай! – завопил он. – Причаливаем!

И вдруг «Комарик» перестало бить и трясти. Мы оказались в спокойной заводи за выступом высокого берега. Здесь в Някку впадала мелкая речка, а бухточка была очень хорошо защищена обрывами слева и справа. И, между прочим, уже рассвело, и было светло.

*

– Инара, – позвал Аарн, наклоняясь к Чикикуке и протягивая руку.

– Фшшшш! – прошипела она, встопорщив шерсть, встав на когти и выгнув спину, словно дикая кошка.

Припав к мокрой палубе, наш зверёк попятился, попятился, и спрятался за левую ногу Петрика.

– Как он назвал Чикикуку? – захотели знать дети.

– Он ей не нравится, – нахмурились Кохи и Лёка.

– Нет, она просто не знает, кто я, – улыбнулся Аарн и обратился к зверушке: – Ты помнишь люстру? Такую, в форме птицы с расправленными крыльями, которая вся переливается? Помнишь, её погасили, когда ударили в ворота? Это для того, чтобы снаружи не было видно, как меня спускают на верёвке и что делается внутри. Ты испугалась и плакала, тебя никак не могли успокоить. И ты, кажется, была сильно простужена, кашляла, поэтому мама и папа приказали мне бежать одному. Ночью, когда сгорел наш дом. Они спасали нас, думали, все будут считать, что мы погибли с ними, и не станут нас искать. Но нас нашли. Не повезло.

По мере того, как Аарн говорил, Чикикука вытягивалась из-за Петриковой ноги. Осторожно, почти стелясь по доскам и шевеля усами. И села у ног Аарна, задрав мордочку.

– Она больше не будет нашей зверушкой? – всхлипнул догадавшийся Рики.

Я усмехнулся:

– Зато она будет девушкой Кохи.

– А я не поняла. Что происходит? – спросила Мадина.

– Она маскировалась, – немного бестолково начал Петрик. – И ведь так ловко, что даже Воки не догадался. А ведь он видел её, и даже с цепочкой на шее.

– Ходила в маске? Когда? – не поняла Лала.

– Ходила в виде зверушки. Убежала и спряталась от тех, кто хотел ею помыкать. Цепочка с ключиком – символ рабства и метод воздействия. Просто так не снимешь. Убежала ещё подростком, поэтому цепочку ей не поменяли, она врезалась в шею. Инара принесла в жертву способность говорить, лишь бы не подчиняться.

Так сказал я, и Чикикука, подскочив ко мне, сидящему на корточках, лизнула мои руки и вернулась к Аарну.

Она поднялась на задние лапки, а передние поставила ему на ногу и позволила себя погладить. А потом исполнила между нами дикий и зверский танец. Она крутилась, носилась и прыгала, а потом кинулась в сторону, показывая, чтобы мы шли за ней. И мы пошли. Все, кроме Кохи. Он стоял и держался за сердце. Догадался, бедный.

– Да всё нормально, – утешил его Петрик.

Чикикука вернулась, взобралась Кохи на плечо, обнюхала и облизала лицо. И кусила за нос. Не сильно. Она требовала, чтобы он шёл с нами. Кохи пошёл, еле переставляя ноги. А наши пиратцы сказали:

– Мы не поняли, Телепатель, это, что ли, твоё животное? И ты что, не боишься, что тебя тут побьют за «Чёрного Мстителя»?

– Не побьют, – отмахнулся отчаянный человек.

Нам ещё предстояло выяснить отношения всвязи с появлением Аарна, но пока мы шли, прямо-таки бежали за Чикикукой.

Она привела нас к речушке, что водопадом прыгала с горы на широкий полукруглый пляж. Тут она мигом преобразилась в девушку, молодую, прекрасную, стройную. Как у Аарна, у неё были волосы странного сизоватого оттенка, как и у него – немного необычное для нашего мира строение тела, едва заметное отличие. Но это не портило ни его, ни её. Даже, скорее, наоборот. Портил её шрам, ужасный, уродливый, охватывающий шею.

Инара мигом скинула с ног полосатые чулки и красные сапожки – это я ей подарил, когда услышал от Кохи, что она обута в рваные тапки. Сбросила на мелкие камни красивое шерстя-

ное платье низовьев Мекри – оказывается, подарок Петрика. Положила на брёвню кожаный тиснённый поясик и такую же перевязь с головы, которые, как выяснилось, преподнёс ей Лёка. Распустила косу, переплетённую алой Натаиной лентой с жемчугом на концах, и сняла ожерелье из бисера, которое Ната плела на Влоте «для хорошего человека». Она ничуть, вообще ни капельки нас не смущалась. Она встала под водопад, под его ледяные струи, и даже не поёжилась. Она стояла там с закрытыми глазами и сложенными руками, опустив мокрую головку, а мы молчали и только глазами хлопали. И, судя по остолбеневшему виду Кохи, снилась ему в Някке именно эта картина.

Наконец Инара выскочила из-под водопада, выжала волосы и, ничем не показав, что ей холодно, пробежала мимо окаменевшего Кохи, опустила на колени перед Рики и взяла его за руки.

– Ключик, – подсказал я. – Рики, ты говорил, у тебя остался ключик от её цепочки.

– А! Да. Сейчас. Я его к кошельку прицепил, как брелок.

Я думал, он побежит на судно, но, пошарив по карманам, Рики добыл кошелёк и, отцепив от него тот самый ключик, протянул его Инаре. Она чмокнула Рики в щёку, в другую, и, подбежав к водопаду, сунула ключик в рот, проглотила и запила его водой. Мы с Петриком переглянулись и пожали плечами. Аарн болезненно сморщился.

Прошло несколько секунд, и вот Инара засмеялась и повернулась к нам с сияющими глазами и счастливой улыбкой. Откашлялась, пробуя голос, и сказала со странным акцентом:

– Здравствуйте!

– Видали такое? – пробормотал Мирон.

– И что, – спросила Инара, – меня целовать не надо?

Мы как-то не решались. Что-то нас смущало. Может, то, что она была совершенно обнажённой? Инара же, кажется, этого совсем не понимала. На её красивом лице появилась растерянность.

– Прикройся, балда, – Аарн шагнул к сестре, завернул её в свой отсыревший плащ и прижал к себе.

– А! Инопланетные предрассудки! – весело смеялась она, обнимая и целуя брата. И теперь мы все тоже бросились к ней, и вот тут-то расцеловали тоже.

*

– Я знала, что ты жив. Я знала, что с тобой сделали. Я сбежала, чтобы со мной не поступили также. Я боялась, что ты стал злым и плохим, но как же я хотела тебя увидеть! Но нельзя было. Нельзя!

Инара прижалась к брату, и то смеялась, то плакала, то рассказывала, как несколько лет жила в жутком одиночестве, и даже сама с собой поговорить не могла, и чуть не озверела. То превозносила до небес меня и Рики, взявших её домой, то прямо всем сразу рассказывала о своей великой любви к Кохи Корку. Я спросил её на ушко, не приворожила ли она парня, ведь это нехорошо и нечестно, а у меня было такое подозрение.

– Чуть-чуть, Миче. Только в самом начале, и только самую капельку. И не приворожила, Миче. Кодекс Керейчиките запрещает привороты.

Вот ведь! У них ещё и кодекс ко всему прочему.

– Чуть-чуть поколдовала, Миче, – объяснила она. – Чтобы выручить тебя, и Натю, и Кохи. Отвратить его сердце от Наты. Тогда ему стали сниться сны обо мне. Но не часто, всего лишь раз пять, только по разрешённым для этого дням. Тогда я даже не знала, что именно ему снилось. Но он должен был поверить в хорошую любовь, в счастливую любовь для себя. Ну... Мне, видишь ли, хотелось проверить, красива я или нет. Все девушки что-то слышали, что-то знают о себе, а я – нет. А что мне было делать, если я полюбила Кохи? Но сны ему снились только до тех пор, пока мы не отправились в путешествие. Это всё.

– Совсем всё?

– Клянусь. Только на это я тогда и была способна. Вместо ручек у меня были лапки.

Почему я всегда верю этим Кереичиките и их кодексам, а?

Инара огорчила нас, сказав, что возможность говорить – это временное явление. Потом она снова принесёт эту жертву. Она не потерпит, чтобы ею командовали и заставляли делать страшные дела, она не хочет, чтобы её нашли. Инара не произносила имени Корков, но их неудачные дети сами догадались, и теперь были растеряны и жаллись друг к другу. Оказывается, Кохи, Мадина и даже всезнайка Хрот, считали, что волшебники Кереичиките если не легенда, то далёкое прошлое, и их никого уже не осталось.

– Петрик, Петрик, – требовала ответа Мадинка, – ты уверен, что этот Аарн хороший? Если он жил у Рэютри-Длинного Когтя, то он, наверное, плохой.

– Аарн? Никогда. Он замечательный. Вы всё поймёте. Мы расскажем. В конце концов, мы с Миче жизнью ему обязаны, – смеялся Чудилка, целуя невесту.

От Аарна Инара бросалась к Кохи, который уже немного оживился и слегка реагировал на происходящее. Первым делом бедняга спросил, какого чёрта его невеста торчит перед всеми раздетой. На это Инара ответила, что, во-первых, тут все свои, во-вторых, уже не торчит, в-третьих, это только тут, на нашей планете, так странно относятся к наготы и стремятся скрыть великий дар природы, прекрасное тело, под всякими тряпками. В-четвёртых, когда это она успела стать невестой Кохи? Он ещё не сватал Инару у её семьи. При слове «семья» она почему-то кинулась на шею мне, а вовсе не Аарну. Ему она показала язык.

– Ну так посватаю, – чуть сердито сообщил Коркин сын.

– Ага, сейчас, как же! – вздёрнула она длинноватый носик. – Как ты себе это представляешь? Корк женится на Кереичиките? Кереичиките не желает, чтобы все знали, где она. Не желает подчиняться Корку. Кодекс Кереичиките запрещает скрывать своё имя.

Кохи обалдел. Мало того, что она водила его за нос столько времени, влюбила его в себя, можно сказать, а теперь ведёт такие речи.

– А, понятно, – с обидой сказал бедный парень, – ты мстишь. Чёрная Мстительница. Но мне-то за что? Я же знаю, ты меня любишь.

– Люблю, – не стала отказываться Инара. Кажется, ей очень нравилось в себе именно то, что она любит. – Больше жизни! Очень! Но жениться не получится. Ты станешь рабом собственной семьи. Вот твой папочка счастлив будет!

И вот намечалась ужасная трагедия. Просто неразрешимая загадка.

Хрот сказал, было, примирительно:

– Почему подчиняться? С чего ты, Инара, взяла, что Кохи потребует подчинения? Ты что, не знаешь его? Он хороший. И, конечно, он не может быть нашим рабом, что за чушь?

– Не вашим, а ИХ, – поправила девушка. – Ты, Хрот, изгнан из семьи, поэтому не примазывайся.

Кохи повесил головушку.

Вопрос ещё требовал обсуждения и вмешательства, но в другое время. Сейчас эти двое выпали из нашей компании, занявшись друг другом. Я тоже норовил выпасть вместе с Натой. А Петрик – так он просто развернулся и пошёл к «Комарику», нежно обняв Мадинку, повёл её мимо белого валуна, на котором, разумеется, целовались Аня и Лёка, которые всегда пользуются моментом. Аарну было не до морального облика младшей сестры, потому что у него была Сая, на которой, как вы знаете, он женился только для пользы дела.

– Инара! – вспомнив об этом, проорал с палубы Чудила. – Ты глупости-то оставь. Ты пример бери со своего брата – он только что женился!

Так что нам ещё предстояло отметить это дело.

– Петрик! – заголосил в ответ Аарн через большое пространство. – Куда ты пошёл? Я зачем вас привёл-то сюда?

– Чтобы мы выспались наконец, – пробормотал себе под нос Мирон, но его услышали и мы, и те двое.

– Это кто ж такой умный спать собрался? – надрылся Кереичиките так, что от него ускользнула полуоглохшая Сая. – Здесь недалеко делают солнца. Я обещал показать – вот и показываю. Там! В имении у Тёмного ручья. Почти уверен! Хотя не совсем!

Тут мы оглянулись, и, оглянувшись, вскричали:

– Как? Мы тут? Мы уже тут?! У Тёмного ручья? Ну и ну!

– Вот что значит быстротекущая Някка! – благоговейно прошептал Мирон. Лёка и Аня вздрогнули и перестали целоваться.

– Слушайте, что за дела? Вы вообще меня не слушаете сегодня, – Лала Паг, что дремала на брёвнышке, проснулась и, нахмурившись, показала вверх по течению маленькой речки. – «Тёмный ручей» – моё имение. Моё собственное. Ау! Семейное владение Пагов. Я вам показывала, когда мы шли вверх по реке. Там мой дом. Там мы с бабушкой жили. Мамочка и папочка приезжали. Хотите, я схожу на разведку? Можно? Я почти четыре года дома не была. Очень хочется. Я помню дорогу.

Тут мы с Натой поняли, что прямо сейчас нам не выпасть из компании. Мадинка с Петриком тоже вернулись. Подошли Кохи с Инарой и Лёка с Аней. Сая тоже подошла, прикрыв уши.

– Коли так – то я уверен, что производство именно там, недаром Лалу домой не пускали. Замечательно уединённое место, – сказал Кохи Корк.

– Девочке не повезло, – огорчился Аарн. – Очень горько лишиться дома.

– Там теперь жить нельзя, – покачал головой Малёк, – хмурясь на мой внешний вид, и тем напомнив невольно, что Ната может меня разлюбить.

– Но это мой дом! – Лала заплакала, обняв Кохи.

Петрик этого вынести не мог, подумал, подумал, да и сказал:

– Ты не плачь. Хоть жить на этом месте, к сожалению, никто никогда не станет...

– У-у-у-у! – взвыла девочка.

– Но тебе возместят твоё имущество. Лала! Ты сможешь выбрать, где поселиться!

Рики глянул на Чудилку с таким восторгом, что я приревновал.

– Ура! Поселись с нами в Някке, слышишь!

Тут девочка выть перестала, вытерла глаза рукавом Кохи и сказала:

– А вы все можете жить со мной. Ну, все, кого из дома выгнали. Точно?

Мы засмеялись. Терезка надулась и заявила, что она думала, что это в её доме поселятся все наши бездомные товарищи.

Однако, чтобы сбылись наши планы, сперва надо было вернуться в Някку.

– Спать! – наконец раздалось дельное предложение.

– Давайте отдохнём, а то мы просто не выживем.

– Поспим – и на приступ Лалиного дома.

– Не выспавшись, мы что-нибудь не так сделаем.

– Мы даже не доплетёмся.

Даже мы, беглецы из Ануки, еле шевелились уже, что же говорить об остальных, не спавших и нормально не евших гораздо дольше нашего, и уставших до невозможности.

– Спать! – обрадовался Чудила. – После отдыха мы одобрим мою стратегию по захвату вражеского логова, а также мои другие разные планы. Мы подадим улики на блюдечке нашему государю – и он не будет сердиться на наше самоуправство. Потому что вот повод как следует прищучить Корков и даже частично арестовать и сослать. Может, в Някке не случится ничего плохого – просто главные Корки очень быстро в тюрьме окажутся. Корки, они...

Но, глянув на ссутулившихся Кохи и Хрота и на побледневшую Мадинку, Петрик прикусил язык, схватился за пылающие щёки и пробормотал:

– Простите!

– Что? Что он сказал? – шёпотом спросил Лёку Мирон, которого все хорошо расслышали.
– Да ладно, чего уж там! – махнули руками неудачные Коркины дети. – Всё. Спать.
И мы отправились отдыхать перед новыми великими свершениями.

*

Ната не разлюбит меня никогда. Я знаю. Не знаю только одного: за что мне такое счастье?
Пока мы вместе, я буду счастлив, как никто. Потому что Натаина любовь – это чудо, это солнце для меня. Настоящее, живое, прекрасное. Кто не любил – тому не понять.

ГЛАВА 4. ОДОБРЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Вечером мы все ходили поскрипывая и постанывая. Особенно те, кто путешествовал на «Комарике». После столь утомительного приключения так быстро не отдохнёшь. Аарн и Инара высоко поднимали брови и смеялись над нами: им почему-то всё было нипочём. Инара рассказывала детям и Хроту о том, что её предки, оказывается, вообще с планеты Ви. Да-да. Последние дети Матери Магии, владеющие тем, чем не владеют никакие иные волшебники ни в одном из миров.

– Чем? – заморожено спросил Хрот.

– Благословением самой прекрасной Ви, – торжественно ответила Инара, и пустилась в рассуждения, которые я здесь приводить не стану. Потому что знали бы вы, как мы намутились с этим самым благословением в нашем следующем приключении и даже после него! Особенно я. Может, когда-нибудь вам расскажу, хоть мне даже вспомнить страшно. Самой же Инаре казалось, что это что-то очень ценное – благословение глупой женщины, бросившей семью, выскочившей замуж за известного негодяя и убийцу, и тем самым обрекшей на гибель своих детей, и с трудом спасшей их потомков накануне собственного конца. Род Кереичиките, говорила Инара, настолько древний, что об этом за десятки веков логично и вовсе забыть, но этого не случилось, потому что есть письменные свидетельства, и даже принесённые с самой Ви, которая, как известно, теперь необитаема, хотя, как мы видим сквозь космическое пространство, весьма зелена и голубовата.

– Где есть свидетельства? – спросил загнипнотизированный искатель древностей. Хрот опомниться не мог от радости, что познакомился с самим Телепателем, героем современного пиратского эпоса.

– У меня дома и ещё в разных местах, я их все знаю, – ошастливил его Аарн.

– Можно к тебе в гости? – вытаращил глаза младший Корк, и немедленно получил приглашение. У меня бы он по шапке получил бы за то, что бездельничал, когда все готовили торжество на палубе в честь общей встречи и свадьбы Аарна и Саи.

Стратегию Петрика мы одобрили, как только выползли на палубу после продолжительного сна, и теперь нам предстояло дожждаться ночи. Если Петрик предлагает стратегию, бесполезно пытаться её не одобрить, можно лишь вносить дополнения и маленькие такие поправки и предложения. Думаю, вы это уже поняли. Теперь Чудилка со спокойной душой заколдовывал различные предметы быта для скорости приготовления. Рики был в таком восторге, что порой, кажется, забывал дышать, глядя на его выкрутасы. Инара смотрела круглыми глазами в совершенном благоговении и, держа на коленях Петрикову книгу, с нежностью её поглаживала. Оказывается, она считала, что вот такие бытовые штучки – это самое сложнейшее достижение, доступное магам. Да что там магам! Вообще, людям. Мужчинам и женщинам. Особенно, женщинам. В её понимании, вытирание пыли или мытьё посуды – это такие загадочные действия, с которыми ей, Инаре, никогда не справиться. Подозреваю, сестра Аарна вообще отвыкла от домашнего хозяйства, терпеть его не могла, и необходимость пообщаться со шваброй или щёткой вызывала у неё нервное потрясение. Аарн смеялся. Все прочие слонялись вокруг и не знали, что делать: саморезующие ножи и самораскладывающиеся поварёшки очень нервируют с непривычки. Малёк, в конце концов, прибил ко мне и постучал себя пальцем по лбу. Я показал ему, что совершенно с ним согласен: настоящий дурдом.

Наш повар Красавчик вышел из себя и наорал на Петрика, чтобы он тут не выпендривался и дал людям нормально жить на свете. Чудилка не обиделся. Выпендриваться перестал и тут же нашёл себе новое занятие. Он принялся заколдовывать для Лалы плоские камушки: наша девочка мастерица «печь блины». Но Лала сказала, что заколдованными камешками

самой с собой играть не интересно. Другое дело с теми, кто не знает. В Някке, например. Хитро улыбаясь, она припрятала эти сокровища в сумку. Пригодятся выигрывать пари.

Петрик опять не обиделся, и снова нашёл, чем заняться. Он присел на бревно и очень внимательно слушал разглагольствования Инары. Если бы я знал, чем это для меня обернётся в том самом, нашем следующем приключении! Но, с другой стороны, что я мог сделать? Разумнейшая из сестёр, светлая Эя, всегда знает, когда и с кем свести людей и что дать им услышать – и всё только для пользы.

Лала просилась в разведку, но её, понятное дело, не пускали. Петрик пребывал в эйфории от того, что уже, наверное, можно ему не бояться за родителей в Някке. Ни расстояния, ни грубая сила уже не могут, наверное, помешать ему предотвратить то, чего он и я опасались всю жизнь. Вот для чего, рассуждал он, мы проделали зимой такой путь, вот для чего Эя и Радо позволили нам встретить в пути Тота и его семью, прийти к ним в дом. Вот Аарн, удивительный человек, который привёл нас сюда. Вот как мы предотвратим сейчас то, что может случиться в нашем родном городе: захватим вредное производство преступников Корков. Увидев такое дело, осознав причастность вечных соперников к несчастьям своих подданных, к смерти матери нашей королевы, к ухудшению здоровья рыбаков, моряков и любителей морской рыбы, к падёжу скота ниже Катиты, король решительно примет меры, и ничего страшного в Някке не случится. Нет, наверное, не случится.

Говоря так, Чудилка обязательно следил, чтобы ни Кохи с Хротом, ни, тем более, Мадинки поблизости не было. Им же, расстроенным донельзя, напомнил, что наши государи справедливы, и наказывать всех подряд Корков ни за что не станут, обязательно разберутся. Всем известно, что король и королева высокого мнения о многих из этого замечательного рода бунтовщиков. Особенно, о младшем поколении, которое старшее не очень-то посвящает в свои преступные замыслы. Младшее поколение неблагонадежно, по мнению старых Корков. Плевать оно хотело на вековые традиции вражды, и кое-кто даже замечен – об этом знает вся Някка! – в деловых или даже немного дружеских связях со сторонниками Охти. А некоторые (это я давно уже знал), трепеща перед гневом отцов и дедов, лазали по ночам в госпиталь проведать Кохи. Зик Корк, конкурент дома Мале, не гнушается время от времени заходить в гости к Лёкиным родителям, чтобы выпить чашечку или рюмочку и обсудить течения и тенденции. И, если там же, в гостях, встречает и моих родителей, он беседует с ними по-человечески. За что давно пользовался презрением и осуждением своей любящей семейки, и, прежде всего, трёх взрослых сыновей. Грустно всё это. Но говорит о том, что не все же Корки негодяи. Не стоит Кохи, Мадинке и Хроту так сильно расстраиваться и бояться за всех своих близких.

Не знаю, насколько сильно утешила речь Петрика наших собственных Корков, но Кохи шепнул мне, когда мы с ним собирали на палубе стол:

– Чудилка не помешался ли в тюрьме, Миче? Кому-кому, а ему не стоило бы о справедливости рассуждать.

– Может, и так, – вздохнул я. Но тут же добавил, перехватив взгляд Коркина сына: – Но ты, всё же, думай о лучшем. Пока я замечал, что король с королевой несправедливы только к нему. К Чудилке. И надо надеяться, что он не свихнулся.

Кохи боялся за свою родню. Любил многих. Какими бы они ни были. Я понимал, конечно.

Ната, дочь торговца морской рыбой, хмурилась и переживала за собственную семью. Предвидела для неё тяжёлые времена. Но, в конце концов, у её родителей ведь есть мы, и мы обязательно позаботимся о них. Поможем во всём.

Я пытался немного утихомирить буйную радость Петрика. Поджимал губы и говорил ему, что ключевое слово в его рассуждениях – «наверное». Я твердил, что надо спешить. Об этом говорило мне сердце, а я уже лучше понимал его после происшествия с моим Рики.

– Миче, я знаю, – улыбался невероятный человек. – Но мы сейчас делаем то, что должны сделать. Мы не имеем права бросить то, что начали, правда? Всё взаимосвязано, Миче. Мы

могли бы также прилететь сюда сегодня на «Комарике» вместе со всеми, отдохнуть немного, и двинуться дальше, вниз по реке. Но мы путешествовали на санях и верхом, познакомились с Арном, и всё узнали про солнца. Мы покончим с ними сегодня и поможем Гиббери окончательно выиграть спор. Ага?

– Угу, – уныло отвечал я, чувствуя, что всё, вроде, правильно, но есть какой-то подвох. – Но потом мы быстро помчимся в Някку, Петрик? Наверстаем время в пути?

– Будем стремиться наверстать. Но мы не можем просто так уйти отсюда, Миче! Ты же знаешь!

Как не знать! В конце концов, я тоже стал склоняться к мысли, что наши нынешние действия как раз и предотвратят бунт, переворот, резню, и всё, что задумали Корки или другие нехорошие личности. Однако, мысль о том, что мы чего-то могли не учесть, о каком-то подвохе, нет-нет, да и заставляла моё сердце замирать, а потом биться неестественно быстро.

Всё взаимосвязано, сказал Петрик, и оказался прав. А Лёка сказал, чтобы я заткнулся и не портил людям настроение, раз мы всё равно должны ждать ночи. После того, как мы возьмём приступом логово врагов, сразу отправимся в Някку. Всего несколько часов задержки.

– И вот смотри, Анчутка, – просветил он меня. – Половодье заканчивается, вода убывает, река спокойней, мы уже не орём, потому что лучше слышим друг друга. Аарн может вести судно и в темноте. Ну, он так говорит.

– Жаль, – вздохнул я. – Значит, скорость будет меньше, раз вода убывает.

– Опять тебе что-то не так! По осени Чудила панику наводил, по весне – Анчутка.

– Рики, дай свои карты.

– Они утопились. Ох, утонули. Когда я хотел погадать на тебя, – пискнул мой очень младший брат, прячась за Инару. Не следует предсказателю терять карты.

– Дай что-нибудь другое.

– Так оно всё утопилось.

*

Как только взойдёт ночное солнце Ви, мы должны были начать действовать, согласно разработанной стратегии. Стратегия была примитивна, как магия домохозяек, и оттого очень эффективна. Чем проще – тем лучше. Поэтому всё свободное от её разработки время мы поднимали тосты и делились воспоминаниями о зимних приключениях. Я бросил наводить панику. Что толку? Мы спешим, и эта задержка – действительно очень важное дело, способное изменить ход событий. Инара и Аарн подозрительно косились на Терезку с чрезвычайно большим животом, и одинаково покусывали указательные пальцы в задумчивости.

Больше всего ребят поразил рассказ о встрече с привидениями. Хрот был в экстазе от осознания открывшейся ему исторической правды. Он даже отругал нас с Петриком за то, что мы не уговорили хотя бы одного призрака рассказать всю историю в Академии. Аарн задумчиво улыбался, почему-то не пил вина, и о чём-то шептался с сестрой. Они держались за руки, как примерные детки. Очень трогательно. После нашего рассказа и всех этих тостов, к Аарну стали относиться более чем благожелательно. Они с Инарой очень похожи – и это лучшая рекомендация. Хотя, к девушке в таком её облике всё ещё не вполне привыкли. Нет-нет, кто-нибудь оборачивался по привычке и звал:

– Чикикука, зверушка, хочешь кусочек?

Рики смотрел подозрительно: не снесёт ли Инара на радостях яйцо? На Навине, где водятся подобные звери, они яйца несут. Он так и сказал мне, что жутко хочет на это посмотреть. Малёк услышал и закатил глаза:

– Миче, ты не считаешься со мной за то, что я с твоим обалдуем нянькался.

– Ха-ха, нянькался! Я уже взрослый! – высказался мой самостоятельный, почти одиннадцатилетний брат.

– Слышал? – хлопнул в ладоши Лёка.

– Да ладно, сочтёмся, – легкомысленно пообещал я. И добавил, полный благодарности, потому что в деле воспитания Рики я ему доверяю: – Правда, спасибо, Малёчек. Хочешь, я помогу тебе уйти из таможни, поговорю с дядей Тумой...

Он всерьёз перепугался:

– Не надо, я сам. У меня нет денег на твои похороны. И на свои тоже. Я, видишь ли, на свадьбу коплю. «Спасибо» вполне достаточно.

Получалось так, что после того, как мы все разойдёмся с наступлением темноты, на «Комарике» должны остаться дети, Терезка, Аня и Аарн. Аня – потому что она не волшебница, но зато лучшая Терезкина подруга. А Аарн – потому, что на него возлагалась важнейшая из миссий – охрана судна и тех, кто на нём остаётся. Какой смысл тащить с собой в драку Керейчиките? Он не воин, а там, куда мы направляемся, магия не действует, благодаря наличию множества готовых и не готовых светильников. Зато, если что, он защитит детей и женщин, как волшебник, и уведёт «Комарик» в безопасное место. Мы заранее обговорили, в какое.

– Миче, – шептала мне Аня, глядя полными удивления глазами. – Зачем тут Аарн? Пусть останутся пиратцы. Они тоже могут увести судно. Понимаешь, Аарн этот подозрительный какой-то. Он следовал за тобой и Петриком, но в солнцах ковырялись вы без него.

Что поделаешь – боится она Аарна. Имеет право.

– А кто бы нам помощь оказывал и заботился о нас? – поставил я ей на вид. – Аарн не совался к нам, пока мы могли сами за себя постоять. Опасался меня, хоть и бахвалился, будто бы я недоучка. Аарн так устроен, что не может не хвастаться. Да и пусть его. Пиратцам надо будет оставить ружья и сабли, а их мало. Это значит, что туда, где магия не живёт, мы отправимся почти безоружными. А волшебнику Аарну здесь, у Някки, ружья без надобности.

– Но, Миче, Чикикука... в смысле, Инара, не признала его вначале. Вдруг он нанят её найти и похитить?

Ах, вот что тревожило Аню, любительницу животных!

Инара засмеялась, услышав, и подошла к нам:

– Никаких сомнений. Аарн мой брат. Просто я не видела его с трёх лет. Я понятия не имела, как он выглядит. Только я чувствую больше, чем вижу. Мы с Аарном ощущаем родство. И даже не только своё родство. И другие вещи. Которые обычным людям, даже обычным волшебникам, не ощутить. Прекрасная Ви наградила нас даром тонко чувствовать. Я попросилась в дом к Миче, потому что почувствовала, что он самый лучший. После Кохи, конечно. Да, после Кохи.

– Ощущаете родство? – Чудила, сидевший на краю скамьи и не вмешивающийся в нашу с Аней беседу, вдруг подал голос и заозирался, отыскивая глазами Аарна.

Керейчиките на другом конце стола пытался пристроить хлебницу среди тарелок и рюмок. И дал нам понять, что всё слышал. Я давно заметил, что у него слух такой же уникальный, как у Мирона голос. Аня покраснела и спряталась за меня. Петрик сделал странное движение, будто хотел уползти под стол.

– Да ладно, Чудилушка, – подмигнув, ободрил его Керейчиките. – Я ж не дурак.

– Да? – глупо спросил мой дружок, смущаться перестал и, вроде, вздохнул с облегчением. – Это хорошо.

Хорошо, что Аарн не сердится на Аню.

– А скажи, пожалуйста, – обратилась она к нему из-за моей спины, – ты, наверное, знал, что мы сплавляемся по рекам, потому и устроил побег в эту ночь и в это время.

– Я не знал, дара предвидения у меня нет, – отказался Аарн. – Вы же сами говорили: знали Инара и Рики, а Ната и молодые Корки толкали всех на эту авантюру. Мы готовились плыть на лодке – а тут вы.

Аня всё равно была полна не столько подозрений, сколько страха перед этим новым волшебником, прибившимся к нашей компании. События в пути вверх по Някке были свежи в её памяти. Она не верила, что Аарн к ним непричастен. Она шепталась об этом с Терезкой, но та только улыбалась и отмахивалась. Аня, подобно Аарну, не пила ни капли. Я стал подумывать, не стоит ли остаться на «Комарике» Лёке. Пусть для нас в нашем походе и ценен каждый человек, но нельзя же допустить, чтобы его невеста так боялась.

Аарн не пил, и, улыбаясь, говорил, хорошо, мол, что и Аня не пьёт.

– Если придётся принимать роды, мне потребуется трезвый помощник.

– Мы поможем! Мы тоже трезвые! – вызвались Рики и Лала.

А Терезка возмутилась:

– Я что, непременно обязана родить, пока вас не будет?

– Да! – хором ответили мы. – Сколько можно беременной ходить?!

Хорошо, что этого не слышал Хрот. В это время он стоял на берегу и с благоговейным ужасом следил за самомоющейся посудой, как котёнок за мышкой, неожиданно гавкнувшей из норки.

Рики дёрнул Инару за рукав Натаиной кофты:

– Слушай, ну их. Лучше снеси яичко.

– Она его только Кохи снесёт. И высиживать будет, – предположила умная Лала.

– Нет, высиживать не буду. Вас заставлю, – серьёзно заявила Инара. Дети испуганно заморгали и попятились.

Я подошёл к Ане и, наклонившись к её уху, пообещал:

– Я скажу Лёке, чтобы он остался с тобой.

– А вот этого не надо! – неожиданно, гордо выпрямившись и сверкнув глазами, ответила девушка. – Мужчины должны заниматься своими делами. А я, если что, дам ему по башке.

– Лёке? За что?

– Дам по башке Аарну этому.

Меня позабавила отчаянная смелость трусишки. Она хотела выглядеть мужественной в глазах своего избранника. Не хотела казаться подозрительной. Аня говорила, нащупывая что-то в кармане. Думаю, браслеты, пресекающие колдовство, снятые с меня и Петрика на «Комарике».

– По башке дай непременно браслетом, – посоветовал я, стараясь сохранять невозмутимый вид. – Главное средство против волшебников.

Мы с Петриком безгранично доверяли Аарну, и никакие доводы не могли этой веры поколебать.

*

Я вам расскажу – и вы сейчас оцените прекрасную простоту эффективной стратегии.

Первыми в город Катиту, что на противоположном, левом берегу, отправлялись Ната, Мадинка и приставленный к ним для охраны наш рыжий друг – пират. Идти было не близко: вперёд по течению реки до моста, трясущегося от ударов весенней свирепой Някки, мимо порта и по посадку. Девушкам и Рыжему надо было ещё занять удобную позицию, чтобы, как только прозвучит сигнал, броситься к страже у ворот, и, назвавшись беглецами с незаконного опасного производства, рассказать и направить, и ввести в курс дела тех, кто кинется через реку. Туда, где на строго определённом месте, по прямой линии от моста до имения Паг, Инара затеет некое огненное и гремучее волшебство. Оно и послужит сигналом к началу действий наших девушек, пожарных, полиции, военных и простых граждан с того и этого берега. Поскольку «Тёмный ручей» – место всё же уединённое и труднодоступное, спасатели доберутся туда не сразу. Мы, остальные члены нашей безумной шайки, проберёмся внутрь Лалиного дома, найдём производство и записи и посмотрим, что можно сделать для пользы государства.

Прибывшие полицейские и прочие окружают двор и арестуют всех, кого найдут за воротами, потому что девушки, как было сказано, введут их в курс дела.

Иначе ввести в курс дела мы, беглецы, и наши пособники, не могли. Кто знает, не нарвёмся ли мы, придя со своими сведениями, на прикормленных преступниками людей, которые не пойдут против Корков, зато радостно донесут на нас. Предупредят кого надо, потянут время, добьются того, что даже если проверка и отправится в «Тёмный ручей», там всё будет шито-крыто. Поэтому только гром и огонь, которые вынудят всех, кому следует и не следует, мчаться в том направлении. Поэтому нужны те, кто расскажет, что творится в усадьбе, чтобы прибывшие пожарные наивно не задавались вопросами типа: «Что за штуки такие тут делают? Детали для каруселей, что ли? Не пора ли возвращаться, раз ничего не горит?» Чтобы прибывшие спасатели сразу знали, что искать, если производство спрятано, например, в подвалах. Инара встретит их ближе к усадьбе и, тоже представившись беглянкой, подтвердит сведения, полученные от Рыжего, Мадины и Наты. А потом, даст Эя, эти сведения подтвердят настоящие рабочие, захваченные во дворе. С Инарой отправлялась Сая, и это хорошо: новым родственницам следовало получше познакомиться. Мы хотели дать провожатого и им, но Инара так глянула! И спросила с таким высокомерием:

– Провожатого – МНЕ? – что мы отвязались. И впрямь, зачем охрана волшебнице, выжившей в условиях преследования, дикости, одиночества и немоты?

Так что, они с Саей отправились вдвоём в тёмный лес, отколовшись от нашей большой компании примерно через две трети пути к усадьбе.

На «Комарике» оставались Терезка, Лала и Рики, Аарн и Аня с наручниками. Если это было испытанием нашего с Петриком умения доверять, мы его прошли, не усомнившись в нашем новом друге. Хотя, возможно, это вдруг разыграла беспечность, вызванная опьянением от свободы... И просто опьянением.

Катита – это очень большой город, первый из тех, куда после Някки вверх по течению заходят тяжёлые океанские суда. Ниже из таких больших населённых пунктов только столица. И теперь до дома нам оставалось рукой подать.

В Катите, как стало известно Аарну и Сае ещё в Ануке, нынче остановился большой отряд военных из Някки, которые, несомненно, тоже бросятся спасать людей туда, где что-то взрывается и горит. Так что, недостатка в грубой силе у нас не будет.

– Вот для чего нужен Аарн, – говорил Петрик, шагая по тёмной дороге. – Он всё знает.

– Тут ещё не видели, как он пляшет! Да и фокусы Телепатель показывать мастак, – пыхтели в ответ двое наших пиратцев.

Мы, мужчины, позвякивая оружием, свернули с дороги и стали пробираться тропинкой по склону. Хотелось взглянуть на усадьбу сверху, потому что на разведку мы так и не удосужились сходить. А надо было не ошибиться в наших предположениях. При себе мы имели план местности и дома, начерченный Лалой. Я в очередной раз был удивлён тем, насколько девочка хорошо ориентируется. В этих местах она в последний раз была лет в семь.

Взошла Навина, и вместе с Ви осветила окрестности.

– Ну-ка, – сказал Малёк, обходя меня сбоку в ярком свете планет. И обратился к компании: – Слушайте, Миче отчаянный парень! Ох, как он всех врагов напугает деревянной саблей!

Ребята загорелись желанием рассмотреть меня с левого бока.

– Ай да Миче!

– Просто герой!

– Чудилка, говоришь, от деревянной сабли бежали бандиты у Ануки?

– Немудрено, что Миче так носится с ней!

– Хорошо, что её захватил!

– Молодец!

Я поморщился, вдруг вспомнив кошмарный сон о том, что я, вроде, убил врага, напавшего на детей, плачущих в развалинах дома. От этого воспоминания у меня даже вся правая рука онемела на несколько секунд. Будь моя воля, я никогда бы не прикасался к опасному предмету. Но что поделаешь, саблю пришлось взять с собой туда, где, похоже, намечался настоящий бой. Приходилось быть готовым к тому, что я буду сражаться, как обычный человек, не как волшебник. Меня бы засмеяли, если бы я не взял оружие. Да и что бы я стал делать без него?

– В данный момент я ношусь с нормальной саблей, – похвастался я.

– Да?

– Да!

– Да?

Я рассердился и ухватился за рукоять. Остальные схватились за животы. О, черти! Я опять перепутал! Как это у меня получается, что за дела? Вы не знаете? Я скажу. В полумраке я взял с собой игрушечные ножны, думая, что в них настоящий клинок, хранившийся на «Комарике» в моё отсутствие. Но кто-то, я даже знаю, кто, навёл порядок. Конечно, в заботе обо мне и моём имуществе.

– Ну, Петрик!

– Ой, прости! – сказал этот ходячий кошмар, сообразив, что он натворил. – Но, с другой стороны, Миче здорово дерётся прикладом ружья.

– Миче вообще постоянно дерётся, – Кохи, посмеиваясь, потрогал некогда подбитый мною глаз.

Мне стало немного не по себе, безоружному, но, с другой стороны, я да, дерусь неплохо.

Я шёл по горной замусоренной тропе и размышлял о том своём страшном сне. Не может ведь так случиться, что он сбудется? Сейчас мы устроим так, что главные негодяи и заговорщики отправятся в тюрьмы и ссылки очень надолго. Даст Эя, в Някке не случится ничего плохого. А здесь, на этом вредном производстве, точно не может быть никаких детей.

«Блеск клинка...» – сказал Петрик буквально вчера, делясь со мной нехорошими какими-то предчувствиями, даже страхами.

Блеск клинка, что страшнее всего...

Хорошо, что я взял с собой деревянную саблю.

ГЛАВА 5. В ДОМЕ У ЛАЛЫ

Не могу сказать точно, в чём причина лёгкой и стремительной нашей победы. То ли в разработанной стратегии, то ли в безумной и наглой смелости нас, молодых и почти безоружных. Мои друзья, правда, потом дразнили меня, говоря, что всё дело в моём имени: Миче Аги. Якобы при одном его звуке трепещут и удирают враги, особенно, если при самом Миче деревянная сабля. Я делал вид, что мне тоже смешно, и напоминал, что ведь на этом вредном производстве не было начальства. Все главные Корки в ту пору пребывали, как вы увидите, в Някке. У них там были неотложные, крайне важные дела и большие перспективы. Всё своё местное войско они увели с собой. А на заводе спали сном жизнью замученных пациентов Лечебницы рабочие с больными руками и глазами. Да ещё управляющий, по поводу отсутствия начальства изрядно напившийся с вечера в компании оставшихся Коркиных бандитов и пиратов, нашедших здесь приют. У всех, кроме новоприбывших, выпадали волосы, крошились зубы и слоились ногти, а шелушащаяся кожа вкупе с головной болью и урчащим животом помогли обитателям злачного места принять правильное решение сдаться и просить медицинской помощи. Здесь всё ещё пытались скрыть, что солнца Миче – вещь очень опасная, но слухи уже начали просачиваться и сюда. В самом имении мы повсюду наткнулись на приметы того, что производство собираются переносить в другое место, да процесс переезда чуть задержался.

Мы шли к бывшему поместью Паг по тропинке на склоне над основной дорогой. С высоты, при свете планет-сестёр была видна почти круглая долина в окружении гор и восхитительно пышных зарослей. Светлый дом стоял среди большого парка, и мы умилились на красоту этого места. Эх, если бы Лалины родители остались с дочкой, если бы её бабушка был ещё жив, то-то было бы ей раздолье и счастье расти в этом сказочном месте!

Но что-то было не так. Мы озадаченно смотрели вниз.

– Не понимаю, – шепнул Малёк – Почему мне кажется, будто что-то не в порядке?

– Потому, что там все растения мёртвые. Все эти пышные кусты без листьев стоят, – первым сообразил Кохи.

Весь окружающий мир расцветал и благоухал. Шумела вдалеке Някка, шумели молодые листья, и горы, ярко освещённые Ви и Навиной, все были в бело-розовой пене цветущих деревьев и кустарников. Пели соловьи и прочие ночные птицы, шуршали зверьки и змейки. Где-то вверху. Позади нас. А там, внизу, была тишина, и мы её даже слышали. Мы стояли на самой границе тишины. Даже ручей журчал как будто бы шёпотом, будто был напуган смертью прекрасной долины. Сухие деревья. Ни листика, ни цветка на ветках.

Мирон, который чуть спустился по склону, чтобы лучше видеть, раздвинул ветки куста с редкими, недоразвитыми листьями, и вдруг замахал руками, подзывая нас. За кустом виднелся прямоугольник недавно перекопанной земли. Он был характерного размера и не очень старательно закидан дёрном и прошлогодними листьями.

– Могила! – ахнули мы.

– Наверное, умерших рабочих хоронят в лесу втихаря.

– Уверен, остальным сообщают, что их товарищ отправлен в больницу.

– Или даже уехал домой с большими деньгами в кармане.

– Привлекают рабочих отличными заработками.

– Держу пари, что одиноких. Бессемейных. Чтобы никто не хватился.

– Почему хозяева не боятся заболеть?

– Может, они здесь хозяйничают по очереди.

– Небольшой срок, лекарство и молитва – вот залог здоровья захватчиков Лалиного дома.

– Я думаю, никто из рабочих не был отпущен живым по истечении контракта. Если кого-то не брала болезнь, и он покидал производство, его убивали в пути.

– Преступление!
– Потому за столько лет никто не слышал никаких слухов.
– Вон там, подальше, ещё могила.
– Но как же местные власти? Полиция? Соседи, наконец?
– Да кому какое дело? Были бы налоги уплачены и бумаги в порядке.
– Соседям ни к чему ездить в имение на отшибе, если там нет приятных людей.
– С какой стати у Корков бумаги в порядке? Кто им давал эти бумаги? Откуда у них право хозяйничать в имении Лалы?

– Кырл Корк и его жена до нашего путешествия были опекунами.
– Но это неизвестное производство. Я ничего о нём не знаю! – кипятился Петрик, организатор инспекций.

– Мы тоже не знаем, – помотали головами Кохи и Хрот. Ну, с ними-то как раз всё ясно.
– Я тебе скажу, почему не знаешь, – обратился я к Чудилке. – Бумаги поддельные. Подделал Воки Ловкач, как пить дать. Он волшебник.

Хрот тяжело вздохнул:

– Вот так наша Лала лишилась наследства под опекой нашего отца. А я всё гадал, почему он ей не позволяет собственный дом навестить? Ещё так орал!

И Хрот искоса взглянул на Кохи. Понятно, на кого орал папочка. Опять на старшего сына, который вызвался, наверное, свозить девочку в дом её предков.

– Ничего, – сказал брату Кохи, – мы теперь тоже как Лала, и потому она тоже не пропадёт. Петрик подобрался ко мне:

– Слушай, Миче. Аарн молодец, конечно. Он сказал, что хорошо затарился в Ануке тем, из чего делают лечебное зелье. Сказал, что сварит его в наше отсутствие. Но что-то мне боязно. Не заболеть бы опять. Вдруг в этот раз не поможет?

– Что я могу тебе сказать, Чудик? – вздохнул я. – Мы сами в это ввязались. И, кстати, у нас про запас есть ещё молитва.

– Да! – как дурачок, обрадовался он. – Точно! Есть ещё и молитва.

Он сразу повеселел и повёл нашу компанию вниз по склону, к кустам, зачахшим вдоль подъездной дороги. А я действительно всерьёз опасался, что заболею мы с ним снова – нам уже не выкарабкаться, несмотря ни на какие молитвы. Однако, и мне тоже гордость не позволила отсидеться на «Комарике».

Прежде, чем начать спускаться, я засветил на ладони маленький жёлтый огонёк и отправил его лететь в сторону затаившихся в лесу Инары и Саи. Знак того, что солнца и вправду делают здесь. Спустя оговоренное время, волшебница Инара устроит большой бумс.

На всякий случай я нёс с собой фотоаппарат.

Наша компания затаилась в кустах недалеко от ворот, напротив дома и лужайки. Пробирались осторожно, держась тенистых мест и благословляя мудрость Эи, которая позволила внезапно налетевшим облакам скрыть ночные светила. Потому-то мы и сумели подобраться так близко и остаться незамеченными среди безлиственных сухих веток.

Нас мог выдать шум шагов и хруст сухих сучков, которых были целые кучи, но обошлось. В тот момент, когда мы были готовы спускаться к имению, меня осенило применить самое древнее из известных мне заклинаний. Заклинание Трёхминутной Глухоты. Оно сработало – единственное из четырёх испробованных. Всё потому, что старинная магическая формула, если она придумана сильным, искусным волшебником, может прорваться сквозь ядовитое излучение солнц. В этом мы с Чудилкой убедились у моста Ануки. Однако, я предупредил товарищей, что действие заклинания будет либо не долгим, либо не полным, поэтому нужно торопиться, и при этом, по возможности, как можно меньше шуметь. Поэтому мы скатились по склону едва ли не кубарем – так торопились. Не знаю, как не переломали себе все кости.

Как раз, когда мы едва успели занять свои места, один из стражников подскочил к ажурным воротом и крикнул второму:

– Эй, слышишь? Что за звуки?

Я вторично применил заклинание. Но если в первый раз оно было похоже по ощущениям на сильно треснувшее стекло, то теперь – на несколько мелких, далеко разлетевшихся друг от друга осколков. Не знаю, как понятней объяснить. Меня удивило то, что формула вообще сработала. Третий раз можно было даже не пытаться.

Второй стражник подошёл к первому, послушал и покачал головой:

– Нет, тишина. Может, камень какой скатился.

Да, стража у ворот не дремала, а прохаживалась туда и сюда за воротами. Слышно было, как хрустят камешки под ногами, и как парни обсуждают тему: почему долина не расцвела и этой весной. Старший придерживался мнения, что эта земля проклята. Якобы во времена правления Еона, первого из королей Охти, в имении жила анчутская ведьма, которая охмурила главнокомандующего армии Някки. Опоила его приворотным зельем и увела в это место. Однажды, когда ведьме пришло время рожать, она не сумела с утра подлить мужу в чай колдовского варева, он очнулся от чар и придушил обманщицу. Сам же бросился со скалы. Новорожденный ребёнок той женщины оказался наполовину жабой и ускакал в болото. Так имение досталось Пагам. Но не знали новые хозяева покоя. Им то мерещился призрак анчутской ведьмы, которая зловещим голосом пророчила несчастья потомкам Пагов. То полупрозрачный главнокомандующий принимался несильно, но еженощно душить женщин семейства, пока не доводил их до того, что они бросались вниз с той же самой скалы, что и он. Но самый большой вред от мальчика-полужабы. Весной он слоняется по этим краям, и где не пройдёт – там чахнут и сохнут растения, а животные разбегаются кто куда. Чуют злую силу, от анчутского выродка исходящую. Люди болеют. В этом году мальчик-полужаба закончил, видать, своё дело. Уже везде проскакал. Ну и потому господа сворачивают здесь производство и переводят его на Руу, в глухие места. Так что вся беда от анчутской ведьмы. От женщины. Как всегда.

Справа что-то тихонько заскрежетало. Полагаю, это Хрот заскрипел зубами от досады, что ему нечем записать интересную сказку. Такого он ещё не слышал!

Однако, не знаю, как у людей в головах рождается подобная дребедень. Имение с самого начала принадлежало Пагам. Пра-пра-пра-пра-прадедушка Лалы и впрямь был главнокомандующим, но по официальной версии никакими анчутскими женщинами у них в роду и не пахло. Паги ведь дальние родственники и Корков, и самих Охти, поэтому официальная версия может быть только такой. Хотя, мы с вами знаем теперь об общем предке-анчу, но тсс! Надо же придумать такое: мальчик-полужаба! Я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Мирон, залёгший слева от меня, зажимал рот двумя руками. Правильно делал. Даже тихое хихиканье в исполнении Мирона переполюшит всю долину.

Мы ждали сигнала от Инары, и от нечего делать прислушивались к беседе стражников. И знаете что? Комары, эти подлые мошки, так и пищали вокруг, и кусались так, будто в долине всё в порядке, всё как всегда.

Слова стражников подтвердили наши предположения.

– А я слышал, будто то, что делают здесь, большой вред здоровью наносит, – выслушав сказку, сказал тот из парней, что помоложе.

– Да брось! Глянь на меня. Все полтора года отслужил – и ничего. Перхоть только да зрением ослаб. Но это от мелких деталей делания. Поначалу у станка стоял, а после того, как заболел и еле вычухался, меня в охрану перевели. Послезавтра домой отправлюсь. Скопил порядочно. И ты, чай, не с пустыми руками уйдёшь. На еду не тратимся, формой обеспечены. Знай, копи свой заработок, и думай, как собственный дом отгрохаешь да женишься. Мы с тобой нищими сиротами росли, а у наших детей всё будет. А то, что безвылазно здесь сидим – так это и потерпеть можно. Полтора года – подумаешь! Быстро пролетят. Зато потом в любом месте

поселишься, хоть в столице самой. В той же Някке нипочём бы не заработал таких деньжищ даже и за пять лет. Кто тебе про здоровье сказал, хотел бы я знать?

– Сказал мне помощник капитана с «Золотого слитка».

– Из тех, что ли, кто с господами в столицу подался?

– Ну да. А те, которые прибыли в их отсутствие, на днях, то есть, тоже об этом только и говорят. И задерживаться здесь не желают. Как сам не слышал-то?

– Да слышал краем уха. Ну так что ж. Послезавтра моя служба заканчивается. Оно, конечно, страшновато и подозрительно, что господа принимают здесь бандитов, которые по округе слоняются, да не моё это дело.

– Удрать бы, пока не поздно. Ну его, контракт этот. Помнишь того, с бородавками? Пошёл домой, вроде. Только сказал, что храм наверху посетит. Заночует в нём. Вроде, обет у него.

– Ну да.

– Так вот. Неспроста господа выпускают за ворота вечером уже. Дескать, до Катиты недалеко. Вечером попозже, и только по одному.

– Так никто и не нанимался сразу толпой. Всяк в свой день. А что такого?

– Не спалось мне ночью-то. Я вышел, да и к источнику пошёл.

– Нельзя бродить ночью. Контракт читал?

– Так живот прихватило, а вода, говорят, целебная. Вот я пошёл потихоньку, а от источника храм виден. А ночью, да в нашей тишине, далеко слышно. И слышал я с той стороны как бы шум драки. Потом выстрел. Да-да. Вскрик – и будто тело по склону покатило, а какие-то люди следом побежали. Только не говори, что это охота. Здесь вся дичь сама собой переродилась. Потом у Бита Корка видел я кинжал Бородавчатого – отца его подарок. Отец оружейником был.

– Ты что сказал? Господа не называют имён.

– Зато их узнать можно и без называния. Самый главный хозяин здесь Бит Корк. У него самого имение на той стороне реки. Я в его деревне жил и с сыном его, с Блотом-стихоплётом, мальчишкой дружил и играл. А потом жил в других местах, и потому старый Бит меня не узнал. А я бы его точно окликнул, если бы вербовщик не предупредил, что, мол, никаких имён.

– Хочешь сказать, – протянул старший страж, – что живыми отсюда люди не уходят? Что господа боятся слухов и не доверяют нашим подписям в бумагах о соблюдении тайны? Об этом... Как его? Неразглашении. И что ж мне делать послезавтра? Как избежать?..

– Скажи, ты догадывался? Догадывался, только думал, авось пронесёт? – заглядывая старшему в глаза, спрашивал младший. – Где старые Корки, там всегда каверза. Я как увидел Бита, сразу понял – дело нечисто. Вот скажи, ты знаешь, зачем господа со всей своей бандой так внезапно вдруг в Някку, в столицу, умчались? Я сам видел и слышал.

«Это тот самый подвох», – мог бы сказать я. Но вместо этого продолжал вслушиваться в беседу.

– Шпионом ты бы был неоценимым, – бурчал старший. – Работать бы тебе в полиции, что ли. Какого чёрта сюда нанялся?

– Всё деньги!

– Проклятые деньги!

– Нужны были до зарезу!

– Мечтал, что выберусь в люди!

– А теперь кажется мне, что не так уж сильно в них и нуждался.

– Можно было бы помалу зарабатывать и спокойно жить.

– Среди цветущей природы.

– В деревне: там нынче уж грядки зазеленели.

– Птицы поют...

– Соловьи...

- Собаки брешут...
- В ночное бы...
- На сенокос...
- Да, это было бы лучше.
- Что теперь делать?
- Как быть?

И тут парни были избавлены от мучительных переживаний за своё будущее. Наша компания взяла эти заботы на себя. На нашем берегу Някки начали действовать Инара и Сая.

Ох, как там громыхнуло, какими цветами окрасилось небо! Это было похоже на грандиозный пожар, на ужасную катастрофу, на извержение вулкана! Яростный лай собак донёлся даже сюда. Вороны стаи взметнулись над дальними зарослями, дрозды и сороки, забыв об опасности, промчались через мёртвую долину – подальше от грохота и огня. Мы припали к земле с перепугу. Надо же, что устроила Инара на радостях, что может немного побыть человеком! Интересно, дома у Корков нет ли какого-нибудь устройства, позволяющего распознать, чьё это волшебство?

- Дуры! Всех людей перепугают, дети заикаться начнут! – не сдержался Мирон.

Между тем грохот стих, а отсветы пламени всё ещё гуляли по облакам. А из Лалиного дома начали выскакивать люди. Прочь от ворот, на лужайку, где лучше видно, унеслись стражники. Уверен, что военные, пожарные и полиция Катиты и всех окрестностей, уже мчатся сюда – спасать, тушить и арестовывать.

Поскольку охрана Лалиных ворот металась по двору в толпе рабочих и разбойников, мы преспокойно проползли под створками. Заминка вышла только с Мальком. Он как-то слишком долго пролезал на Лалин двор. Мы стояли и смотрели, как он всё тянулся и тянулся, и никак не кончался. Право, когда Лёка стоит вертикально, не скажешь, что он такой бесконечный.

Что-то громыхнуло, полыхнуло снова, раздались испуганные крики. Мы, не таясь, пересекли лужайку перед домом и вошли внутрь, в опустевшее здание. Да, его покинули все, выскочив поглядеть, что происходит. В одной только комнате слышались стоны – там находились двое, кто совсем был плох от своей работы и не мог ходить. Мы свободно и быстро прошли по комнатам, и увидели, что они превращены в спальни на несколько человек. С обстановкой здесь не церемонились. Старинная мебель из драгоценных пород деревьев, можно сказать, пропала. Дорогие стеновые панели и выцветшие узорные обои исписали нехорошими словами и изрисовали позорными рисунками. В отдельной комнате нашёлся управляющий, лысый и беззубый, который дрых без задних ног и жутко вонял перегаром. Мы оставили его храпеть и заспорили, где производство:

- На кухне?
- Ты что, в конюшне.
- Спросите у Миче: он скажет, что на голубятне.
- Миче, ау!
- Производство в подвале, я думаю.
- Идёмте в подвалы.

И там мы нашли это самое производство, и при нём – никаких сторожей. Все бегали и орали снаружи. Отсутствие дисциплины налицо. Удивительно, что Корки со своими светильниками не прокололись и не погорели раньше. Имелись замки – но разве это помеха? Мы обошли всё, и видели все эти станки, выполняющие невероятно тонкую работу. Их было немного, да и рабочих, как мы успели разглядеть, мало. Небольшой завод, сложное оборудование, высокие цены, бешеная популярность товара, огромные доходы. Корки – они молодцы. Мы рассматривали миниатюрные инструменты, а от маленьких кадушек и коробок с сырьём я и Петрик старались держаться подальше, да и другим советовали.

- Где они это берут? – переговаривались мы.

- Никаких опознавательных знаков.
- Ни на одной из коробок.
- Что за клеймо на станке?
- Видел когда-нибудь?
- Нет, такого клейма не видел.
- Лёка, это контрабанда что ли?
- Уж точно не законный товар.
- Ни на что не похоже.
- И не понять, металлический это порошок, или ещё какой.
- Это не станки, а техника будущего. Сделать такую трубочку! Смотрите, чуть волоска потолще.

Всё это удивляло. Я безостановочно фотографировал то и это.

– Пожалуйста, – умоляли мы с Чудилой, – не трогайте руками. Не наклоняйтесь низко. Глубоко не дышите. Закройте все эти крышки. Идёмте отсюда. Лёка, зачем ты срисовываешь клеймо? Полиция сейчас придёт и сама зарисует. Пригодится? Ладно, рисуй. Побыстрее только, и стой подальше.

– Лёка, я сфотографировал клеймо, – сообщил я. – Брось свои зарисовки.

– Мой отец металлургом был, – вставил слово в наши причитания Мирон. – Я знаю, есть люди, которые могут анализы по образцу сделать и назвать, что за металл. Возьмём образец.

– Нет! – испугался я. – Пусть разбираются и берут пробы специальные службы. С меня хватит. Не желаю при себе заразу иметь.

Завязался спор. Петрик слушал-слушал, да и очень правильно велел всё оставить здесь. Но не для специалистов, нет. Для полного уничтожения без какого бы то ни было изучения.

Пусть это всё сгинет навсегда. Король, сказал Петрик, человек разумный, и в свете нынешней борьбы за чистоту природы и здоровье подданных, велит просто уничтожить всё это. Так-то. Однако, лично мы уничтожить не будем, ведь это доказательство вины преступников – так пусть соответствующие службы увидят, что следует.

Услышав такую хорошую речь, наша компания бросила собственные изыскания и направилась к выходу, а Кохи и Хрот даже ничего не возразили. Тоже разумные люди.

В отдельном кабинете среди документов нашлось описание процесса – всего один экземпляр. Уходя, мы изъяли часть листов из осторожности: мало ли, кому попадётся на глаза эта тетрадь, сохраняемая здесь, как драгоценность. Было решено, что Петрик некоторое время изъятые листы подержит у себя – вдруг оставленные пропадут. Потом, если дела пойдут как надо, он всё это обязан был уничтожить при свидетелях – членах нашей компании. Я сказал, что сбрызну все страницы лечебным зельем для безопасности. Бумаг было немного, мы разобрались с ними быстро, потому что всё прочее – это были просто бухгалтерские расчёты, списки рабочих и продуктов, доставляемых на кухню. Что-то, а документация содержалась в отменном порядке. Основное я сфотографировал. Тут же стояли коробки, в которые уже начали упаковывать документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.